

Военные
Приключения

ПУТЬ К БОСФОРУ

Ю.ИВАНИЧЕНКО В.ДЕМЧЕНКО

**Юрий Яковлевич Иваниченко
Вячеслав Игоревич Демченко
Путь к Босфору, или
«Флейта» для «Императрицы»
Серия «Братья Ивановы», книга 2
Серия «Военные приключения»**

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34340890

*Юрий Иваниченко, Вячеслав Демченко. Путь к Босфору, или «Флейта»
для «Императрицы»: ООО «Издательство «Вече»; Москва; 2017
ISBN 978-5-4444-9214-7*

Аннотация

Грохочет над Европейским континентом Великая война, которую позже назовут Первой мировой, коверкает и изменяет судьбы миллионов людей. Среди них и три брата Ивановы, знакомые читателю по роману «Враг на рейде»: лейтенант флота Вадим, авиатор Кирилл и гардемарин Василий. А противостоять иноземцам им приходится не только на фронте, где всё ясно, но и в собственном тылу – в схватке с коварными агентами врага.

Содержание

ИНТЕРМЕДИЯ	5
ГЛАВА 1. НА РАСПУТЬЕ. ВАСИЛИЙ	13
ГЛАВА 2. ВАДИМ	26
ГЛАВА 3. КИРИЛЛ	33
ГЛАВА 4	42
ГЛАВА 5. ГРАФСКОЕ ГНЕЗДО С КРЫЛЬЯМИ	48
ГЛАВА 6. ЯСНО ВИДИМЫЙ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ...	61
ГЛАВА 7	72
ГЛАВА 8. ГАРДЕМАРИН НА ФРОНТЕ	80
ГЛАВА 9. ПТИЦА ЧЁРНАЯ, ПТИЦА БЕЛАЯ...	89
Конец ознакомительного фрагмента.	97

**Юрий Иваниченко,
Вячеслав Демченко
Путь к Босфору,
или «Флейта» для
«Императрицы»**

Иваниченко Ю. Я., Демченко В. И., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

ИНТЕРМЕДИЯ

Первая мировая война.

«Война моторов»

«Война миллионов»

Война «внутреннего сгорания»...

Что нового было в этой войне? В войне миллионов?

Не поход многотысячных колонн одной-двумя дорогами на вражескую столицу, а сотни километров фронтов с миллионами солдат, расставленных по стрелковым ячейкам и траншеям, собранных в блиндажах, дотах и дзотах, – ново.

Война не только и не столько личной доблести солдат и полководческого таланта командиров, сколько промышленное уничтожение людей, вернее – соревнование национальных экономик в способности к промышленному убийству, – ново.

И ново, и даже научно, – политэкономия в действии: война миллионов – марок, франков, фунтов стерлингов и рублей.

Расход артиллерийских снарядов миллионами – это так ново, что в растерянности и Санкт-Петербург, и Париж, и Лондон, и даже Крупп.

Опровержение хрестоматийного «пуля дура – штык молодец!» с первой же пулемётной очередью – ново и даже, грешно сказать, – прогрессивно.

Механика, внезапно сорвавшаяся с заводских фундаментов и с лязгом выползшая на поля сражений, паруя и коптя, – ново до ужаса.

Второй Генеральный штаб войны – конструкторское бюро и химическая лаборатория, – ново до рвоты...

Но самым новым, новым до оторопи, в этой войне был возврат к старому, давно и, казалось бы, навсегда забытому, – древнему, первобытному как грехопадение...

Тотальное человекоубийство.

Террор против мирного населения.

Не притеснения, не реквизиции, не «право победителей» и всякое мародёрство, а террор, категорически не связанный с конкретным сопротивлением.

23 августа 1914 года по приказу генерала фон Хаузена саксонскими гренадёрами был казнён гражданин Бельгии Феликс Фиве, трёх недель от роду. Его, его родителей и их знакомых и соседей арестовали прямо в церкви во время службы и, поставив на колени на городской площади – врозь мужчин и женщин, – расстреляли в упор.

Якобы за то, что те мешали восстановлению мостов через реку. И расстреливали не какие-нибудь специально назначенные палачи из тех, кто покрепче нервами, а самые обыкновенные немецкие солдаты. Только вчера державшие на коленях своих малышей.

Будто и не было Ренессанса и гуманистов, «галантного века», эпохи Просвещения и Гаагских конвенций.

Не было того, что называлось в трудах новых философов (уже не праздных мирозерцателей, а учёных!) – социальным прогрессом, цивилизованностью, которой так кичился всякий британский офицер в колониях, отдавая приказ о расстреле краалей, деревень, племён...

Так что же изумило Европу, исповедующую равенство перед законами людскими и Божьими?

Хроника войны. 1914 год

Крах «блицкрига» фон Шлиффена.

План был не особо хитёр – обход французской армии там, где не ждали: по нейтральным странам, – и разгром Франции за шесть недель, необходимых России для полной мобилизации.

Не окончив мобилизации, но в ответ на панические просьбы союзников, две российские армии предпринимают наступление в Восточной Пруссии.

Политическая хроника

В конце 1914 года, ожидая наступления немцев на Западном фронте, англо-французское командование обратилось к России с просьбой активизировать действия на Восточном фронте, чтобы не дать возможности немцам перебросить войска под Париж.

Из Петрограда в ответ на просьбу союзников было передано согласие, но с одним условием: англичане и французы,

в свою очередь, проведут крупную морскую или сухопутную операцию в районе Дарданелл, чтобы отвлечь часть турецких войск с Кавказского фронта.

С политической точки зрения это предложение русских весьма устраивало союзников: англичане таким образом могли первыми войти в Константинополь, что стало бы козырной картой в последующих переговорах о послевоенном устройстве мира, а французы надеялись своими действиями в Средиземноморье ускорить вступление Италии в ряды Антанты.

«Если Франция и не была стёрта с карты Европы, то эти мы обязаны, прежде всего, России», – французский маршал Фош.

...Остановив своё победоносное шествие на Париж, поскольку русские армии решительно продвигались по «исконно» немецким землям, перебросив с Западного фронта значительные силы, германское командование предпринимает контрнаступление, – благо 2-я армия Самсонова бесшабашно наступает без арсенала и вообще без обоза, а 1-я Ранненкампа осмотрительно простаивает.

Это позволяет Гинденбургу создать превосходство сил и нападать на каждую из них поочередно, и в полной мере использовать преимущества близости своих тылов и хорошую инфраструктуру Восточной Пруссии.

И хоть 2-я армия выходит из окружения, хоть с большими потерями, но по меньшей мере со всеми своими полковыми знамёнами – генерал Самсонов застрелится.

1-я армия Ранненкампфа вскоре будет вытеснена из Прибалтики...

Хроника войны. 1915 год

Западный фронт – «великое отступление» русской армии в Восточной Пруссии, Польше и Прибалтике и, едва ли не соответственно, наступление союзников на Марне, – так что немцы отброшены от Парижа.

Вскоре война на Западе окончательно становится сугубо позиционной.

На юге русская и англо-французская армии методично, хотя и с некоторыми осложнениями, отгрызают куски и клочья от Османской империи.

На востоке и северо-востоке российский фронт стабилизируется только в начале сентября, с принятием Верховного главнокомандования самим императором, а пока...

«Мы предоставили Россию её собственной судьбе...» – английский премьер-министр Ллойд Джордж.

Великая война Ивановых.

Восстановлено по приходским книгам

Иванов Иван Иванович 59 лет, антрополог, экстраорди-

нарный профессор Санкт-Петербургского университета. По случаю – этнограф. По учёному званию – надворный советник. Никакого отношения к военному делу не имеющий.

Жена его Елизавета, в девичестве Коваль, 1860–1897 гг., – умерла при родах младшего сына.

Сыновья:

Вадим Иванович 35 лет от роду, лейтенант флота, старший артиллеристский офицер эскадренного миноносца «Лейтенант Пущин», после командир 152 мм палубной батареи броненосца «Евстафий». Был тяжело контужен в бою «Евстафия» с германским крейсером «Гебен», оперирован самим Н. Н. Бурденко, для чего был вывезен на Северо-Западный фронт. Теперь в тыловом госпитале, в Курляндии.

Кирилл Иванович Иванов 30 лет, также лейтенант, но Императорского военно-воздушного флота, служит в Севастополе в авиаотряде. Прославившись едва ли не случайным потоплением германской подводной лодки, был представлен в Петербурге Его Императорскому Величеству и награждён. Несколько зимних месяцев провёл в Царскосельской авиашколе в качестве инструктора. Теперь, после настоятельных прошений, отпущен в Севастополь и возвращается к месту службы.

Василий, юноша семнадцати лет, курсант, не закончил последний год «Отдельных гардемаринских классов». После практического плавания, оказавшегося вполне сухопутным, но насыщенным подлинно шпионским приключением, воз-

вращался в Петроград, однако пропал в пути. Не явился ни к начальнику курсов капитану Фролову, ни к отцу в квартиру Ивановых на Миллионной.

Дочь Варвара, 23 лет, домашняя воспитательница, выпускница Петербургских фребелевских курсов. После сева-стопольских «каникул», едва не стоивших ей жизни во время известной бомбардировки города линейным крейсером «Гебен», вернулась в Петроград.

Приемная дочь Кира Ивановна, двадцати одного года, привезенная с Алтая как довольно неожиданная находка антропологической экспедиции. И примечательно, что год спустя после смерти законной жены профессора, но уже пяти лет от роду. Теперь также в Петрограде, но, по словам домашней прислуги Глаши: «С этакой егозы станется». Что надо понимать, как: «Едва ли это надолго».

Брат профессора, Алексей Иванович, статский советник, выходец из Инженерного замка¹, имеет свой кабинет на Дворцовой площади в министерстве Сазонова. Род занятий и обязанностей, судя по всему, – дипломатическая разведка, правда, в связи с инженерным образованием Алексея Ивановича, – всё как-то больше с военно-техническим уклоном.

После командировки в Севастополь вернулся в Петроград.

Сын его Николай, племянник профессора, 26-летний гвардии пехотный капитан и, по мнению отца, совершенный

¹ Суть выпускник Николаевской инженерной академии.

недоросль. Пропал без вести при окружении пехотного корпуса 10-й армии Северо-Западного фронта...

ГЛАВА 1. НА РАСПУТЬЕ. ВАСИЛИЙ

– Олег Константинович... – вполголоса произнёс уездный чиновник, покосившись вниз, на Василия, из-под щепоти крестного знамени у лба.

Морской кадет, совершенно по-детски припавший к запотевшему стеклу вагона, – так что сдвинулась на вихрастый затылок чёрная фуражка с золотым якорьком на кокарде, – с ещё большим рвением расплющил на стекле и без того пухлые губы:

– Это который младший из братьев Константиновичей? Корнет?

И не дождавшись ответа от вагонного попутчика, раздражённо чертыхнулся:

– Не видать ни...

Неуставные подковки флотских ботинок зазвенели даже сквозь коврики первого класса. Едва не выбив из тамбура наружу пробку из любопытствующих, кадет свалился почти на голову усатого проводника и бросился вдоль состава.

– Куда, господин офицер? – запоздало окликнул вслед ему кондуктор, поправляя чёрный форменный картуз. – Как только литерный пройдёт, тронемся!

Не услышав даже лестный аванс в звании «офицера»,

«чёрный кадет» врезался в толпу, всё наполняющую гвалтом и суетой узкое железное ущелье между вагонов.

Человечья сутолока встретила его кудлатой овчиной и кружевом платков, сукном шинелей и чиновным бобриком, пахнула в лицо всенародным смешением одеколонов и пота, но более прочего – тяжёлым еловым духом, так и не выветрившимся за долгие часы пустынных осенних вёрст.

Траурные гирлянды еловых веток украшали борта литературного состава.

Царского поезда.

По сути же – похоронной процессии князя императорской крови...

«На вздыбленном коне»

Существует такой негласный канон в монументальном искусстве, ныне забытый за давностью и ненадобностью: конные статуи царей, князей и королей, павших на поле брани, следует изображать на вздыбленном коне, а отдавших Богу душу в своей постели и в окружении: «Вы, жадною толпой стоящие у трона...» – на коне, твёрдо стоящем всеми четырьмя копытами на постаменте.

Так что из всех русских монархов, после, разумеется, воинственных Рюриковичей, в большинстве своём сгинувших от рук племянников, только Александр II с некоторой натяжкой мог бы стать заслуженным «Медным всадником». Считал ли он себя борцом с просвещением или народовольца-

ми, это только казалось, но пал царь от бомбы. Прямо как на «поле брани».

Да вот ещё, пожалуй, Олег Романов, корнет лейб-гвардии гусарского Его Императорского Величества полка, мог бы претендовать на дыбы своего коня, хотя его шансы стать императором российским были довольно случайными.

Четвёртый сын известного русского поэта «К.Р.», великого князя Константина Константиновича Романова (внука императора Николая I), Олег Константинович Романов девяти лет от роду завёл дневник, на первой странице которого записал: «Я большой и потому имею мужество. Я тут отмечаю, сколько грехов я сделал за весь день... Отмечаю тут неправду точками, а когда нет неправды, отмечаю крестиками».

По свидетельству позднейших исследователей, никаких других записей в дневнике, хоть он и вёлся довольно долго, кроме этих «символических значков», не было. Юный князь был довольно строгим судьёй самому себе.

27 сентября 2014 года он мог бы отметить крестиком, но к тому времени уже не только стал более многословным, но даже успел написать роман «Влияния», поэму «Царство царя Крота», повесть «Отец Иван», множество стихотворений...

Впрочем, издать успел только факсимиле автографов Пушкина, да и то, только первый выпуск запланированно-

го многотомного издания. С такой ревностью вычищая самую мелкую неточность в корректурах типографских клише, допущенных фотографией, что иначе как назвал этот труд П. Е. Щеголев «молитвенной данью», его и нельзя было назвать. Одним словом, Олег был «очень русским» литературным мальчиком.

Очень литературным: первым из царской семьи получил гражданское образование прежде военного – Александровский лицей.

Из царской семьи, из чего чуть ли не прямо следует, что, несмотря на домашнее образование, великий князь честно сдавал ежегодные экзамены Полоцкого кадетского корпуса.

И «очень русским» – поэтому в августе 14-го корнет Романов лейб-гвардии Гусарского полка, решительно отказавшись от должности ординарца при Главной квартире, писал в своём дневнике:

«Мы все пять братьев идем на войну со своими полками.

Мне это страшно нравится, так как это показывает, что в трудную минуту Царская Семья держит себя на высоте положения. Пишу и подчеркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мне приятно, мне радостно, что мы, Константиновичи, все впятером на войне».

27 сентября телеграмма штаба Верховного главнокомандующего сообщала:

«...при следовании застав нашей передовой кавалерии

были атакованы и уничтожены германские разьезды. Частью немцы были изрублены, частью взяты в плен. Первым доскакал до неприятеля и врубился в него корнет его высочество князь Олег Константинович».

Дело было под Владиславовым, что в Литве, близ деревни Пильвишки. Один из раненых немецких кавалеристов – столкнулись, по сути, два отряда разведчиков, – уже с земли выстрелил в юного русского корнета.

А уже 28-го отец, великий князь Константин, прибывший в госпиталь в Вильно, приколот к рубашке умирающего сына Георгиевский крест его деда – солдатскую награду императора.

«Крестик Анпапа!» – прошептал князь Олег.

Он потянулся и поцеловал белую эмаль...

Вскоре больной стал задыхаться. Началось страшное ожидание смерти: шепот священника, последние резкие вздохи... «Великий князь, стоя на коленях у изголовья, закрывал сыну глаза; великая княгиня грела холодевшие руки...» – вспоминал кто-то из современников.

Последние слова Олега это были, или нет, но они были записаны:

«Я так счастлив, так счастлив. Это нужно было. Это поднимет дух. В войсках произведет хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь Царского Дома».

Не бог весть, что за пророчество вышло, но искренность

его вполне оправдалось.

...Теперь, словно триумфатор, хоть и в траурно-грозовом облаке всенародной скорби, но тем большей любви, юный великий князь возвращался домой. И «великий» более не было только титульной приставкой в светской хронике, скучным сокращением – только лишь знаком значения и значимости человека в человеческой иерархии. «Великий» – теперь и было само это значение.

– «Точнее даже, назначение. Вполне исполненное назначение человека...» – в уме подытожил Василий некую путаницу в эпитетах и определениях.

Если с князем Олегом вышло это по-своему даже поэтически, по-своему даже пафосно – то вот стоило только самому взглянуть в это благородное, беспощадной чистоты, зеркало, и... Глянула оттуда, с заоблачной высоты, на Ваську совершенно никчёмная, глупейшая его физиономия с оттопыренными ушами под фуражкой, упорно казавшейся гимназической, несмотря на золотистый якорёк. И такой по-детски нелепой была эта физиономия теперь, в форме, требующей к себе промеж чёрных погон и лакового козырька фуражки, – подлинного лица. Лица столь же достойного и величественного, как в княжеском гробу, – что Васька даже комок в горле почувствовал: таким колом встала досада на самоё себя, на глупость обстоятельств, дразнящую и предательскую из-

менчивость его удачи и, что греха таить, собственную с ней нерасторопность...

Васька сорвал с головы фуражку, словно это сколько-нибудь могло поправить его портрет, нарисованный им же с правдивостью первой исповеди.

Зашагал по шпалам, не видя и не слыша куда, и, кажется, даже не спотыкаясь, словно и не в этом мире, а уже в ином шёл. Где уже и некому будет представить столь сурового счёта. Так что очнулся тогда только, когда ему медным басистым окриком приказал посторониться паровоз, пыхтя и лязгая маслянисто-чёрными сочленениями.

Паровоз прошёл из-за спины вперёд, обдав угарной вонью и паром, а минуту спустя и ошпарив пониманием:

– Так это же мой! – проплыли в округлившись глазах Васьки чёрные буквы на белой эмали: «Киев – Санкт-Петербург» (*по-старому ещё*).

– А и чёрт с тобой! – прорычал ему вдогонку морской кадет. – Так даже лучше.

Что именно было «лучше» в том, что чемодан его, черневший на багажной полке спящим доберманом, доедет домой уже бесхозным и попадёт в приют «бюро находок», в том, что доведёт он до валериановых капель Глашу, объявившись на пороге их квартиры на «Миллионной», а с отцом разделит полуштоф сибирской настойки, вызовет слезу у его суровой сестры Варвары, и, напротив, какую-то неуместную

улыбку у «чувствительной» поэтессы – сестры Киры, что в этом к «лучшему» – «чёрный кадет» Василий Иванов ещё не знал.

Знал только, что братья его поймут. Они же видели, что в небе и в море им есть, где взаправду сражаться за Отечество, а ему пока ещё везёт.

Иное дело...

Утробным воем откликнулся на мысли вчерашнего мальчишки зов паровозного гудка. Васька поднял взгляд от шпал, прищурился.

Впереди, над рыжим пожаром дальнего леса, разрастались бурые клубы дыма.

В ту сторону навстречу эшелоны шли почти все военные, больше того, – фронтовые.

Переговоры «наверху».

*Петроград. Кабинет министра иностранных дел
С. Д. Сазонова*

В кабинете министра иностранных дел, поверх карты Европы и европейской части России, развернута ещё одна карта: юг России – от Новороссии до Батуми, турецкое побережье, Босфор и Дарданеллы, часть Балканского полуострова.

Статский советник (впрочем, в цивильном) А. И. Иванов и министр Сергей Дмитриевич Сазонов, будто совершая некий ритуал, обходят с двух сторон, не сближаясь, стол с разложенными картами. И разговаривают, только время от

времени поднимая взгляд друг на друга.

Кажется, что инициатива разговора исходит от Алексея Ивановича. Вот он, едва не горячась, говорит:

– Уверен: пора вспомнить наше решение и взять Проливы. Большой десант с юга и сухопутная атака с севера – и Босфор наш. Всё ведь так и идёт по наихудшему для нас сценарию: транспортная артерия перекрыта и уже ощущается «снарядный голод».

На что министр резонно ответил:

– Какое решение? Десятилетней давности? Вы же знаете – государь от него ещё тогда отказался. Он опасался, что Британия и Франция объединятся, чтобы не допустить наш флаг над Проливами, да устроят новую «Восточную войну»...

Историческая справка

В конце XIX столетия Россия начала подготовку к прорыву на берега Босфора. Уже на тот момент Черноморский флот многократно превосходил по своей мощи турецкий.

В течение нескольких лет в Одессе и Севастополе в обстановке глубочайшей секретности шла подготовка десантной операции. В захвате Босфора должны были участвовать эскадренные броненосцы «Синоп», «Чесма», «Екатерина II», «Двенадцать Апостолов», «Георгий Победоносец» и «Три Святителя», – они на то время составляли главную ударную силу флота. Планировалось также привлечь новейший тогда крейсер «Память Меркурия», канонерскую лодку «Те-

рец», минные заградители «Буг» и «Дунай», минные крейсера «Гридень» и «Казарский», а также десять миноносцев и тридцать малых миноносок. В десантной операции помимо моряков предполагалось задействовать экспедиционный корпус численностью в 35 тысяч человек.

6 июня 1895 года в Петербурге прошло «Особое совещание» с участием высших чинов Российской империи. На нём рассматривался только один вопрос – десантная операция с целью захвата Константинополя. В постановлении совещания было сказано, что для захвата столицы Османской империи, а также проливов Босфор и Дарданеллы, всё готово.

«...Взяв Босфор, Россия выполнит одну из своих исторических задач, станет хозяином Балканского полуострова, будет держать под постоянным ударом Англию, и ей нечего будет бояться со стороны Чёрного моря. Затем все свои военные силы она сможет тогда сосредоточить на западной границе и на Дальнем Востоке, чтобы утвердить свое господство над Тихим океаном», – говорилось в итоговом документе «Особого совещания».

Единственным человеком, выступившим против намеченной операции, был тогдашний министр иностранных дел России Н. К. Гирс.

Окончательное решение должно было быть принято государем.

5 декабря 1896 года император Николай II провел заседание Совета министров. Военные предложили провести

операцию под видом учений. Флот должен был отправиться к Кавказским берегам, но затем изменить маршрут и на всех парах подойти к Босфору, подавить сопротивление турецких войск, пройти Мраморное море и заминировать вход в пролив Дарданеллы.

Основным соперником в этом конфликте российские политики видели не Турцию, а Великобританию.

После долгих раздумий царь отказался от плана, опасаясь спровоцировать глобальный конфликт.

– Но теперь мы союзники. И 90 процентов взаимных поставок с Антантой шло через проливы, пока турки с немцами не закрыли Босфор. Что, в Лондоне и Париже не понимают нашего общего интереса? – спросил, чуть повысив голос, статский советник. – И позиция государя существенно изменилась, не так ли?

– Да, с самого начала войны, конечно, – кивнул Сергей Дмитриевич и даже, кажется, чуть-чуть улыбнулся. Одними губами. – Он при мне говорил Палеологу – по памяти цитирую, но примерно так: «...Я не признаю за собой права навлекать на мой народ ужасные жертвы нынешней войны, не давая ему в награду осуществление его вековой мечты. Поэтому моё решение принято, господин посол. Я радикально разрешу проблему Константинополя и проливов».

Статский советник Иванов тоже покивал, вот только непонятно – с одобрением или сомнением. Скорее второе,

судя по его реплике:

– Вот только ни в Генштабе, ни в Адмиралтействе нет никаких признаков подготовки «радикального решения».

Не прекращая медленной циркуляции вокруг карты, размеченной красными и синими дугами и стрелками, министр и руководитель политической разведки обменялись взглядами. Затем Сазонов бросил подчёркнуто сухо:

– Их решения или промедления – вне нашей компетенции. Могу только предположить, что с сухопутной частью операции не всё так просто. Дунайская армия может пройти только через Болгарию – а она опять нам враждебна. В который раз. Того и гляди в войну вступит на стороне Тройственного союза.

– Есть ещё путь через Грецию.

– А с Грецией, вы же знаете, – сказал, как отрезал Сазонов, – положение скверное. Они, конечно, не враги, но... И помимо прочего германофилов там хватает. Того гляди, к власти придут.

– Ну да, – невесело хмыкнул Алексей Иванович. – «У России только двое друзей: её армия и её флот».

– У прочих друзей, равно как врагов, само собой, хватает интересов и амбиций... Греки желают выступить сами и взять Константинополь, как главные – при нашей поддержке. То есть согласны воевать нашими руками, самим ни за что не справиться. Сколько там у турок?

– На обеих сторонах Босфора? Двадцать дивизий, как ми-

нимум. И эшелонированная оборона, опирающаяся на систему фортов и крепостей.

– Куда там грекам... Но они хотят непременно считаться победителями, а в дальнейшем – единоличными распорядителям проливов. А государь и слышать не хочет о греческом флаге над Святой Софией. Впрочем, переговоры идут...

– Боюсь, что не «придут» вовремя, – склонил голову разведчик. – А счёт уже идёт не на месяцы – на дни. Не ударяем мы – ударяют нас. И на Чёрном море, и на Кавказе, на всех фронтах. Дорого нам обходится промедление...

ГЛАВА 2. ВАДИМ

Курляндия. Тыловой госпиталь близ железнодорожного узла Обертау

На щеках лейтенанта флота Вадима Иванова, сероватых от трёхдневной щетины, проявились те самые ямочки, что так умиляли всегда старшину госпитальных прачек Дусю – молодуху, которую даже пожившие мужики из числа раненых называли отчего-то «мамкой».

Она, засмотревшись, чуть было не кувыркнулась через пиловочного козла, уронила жестяное корыто, чертыхнулась вполголоса:

– ...с твоей Ариной.

Хотя, уж точно, её ровесница, двадцатилетняя сестра милосердия Арина, которую, в свою очередь, все в госпитале звали «дочкой», была тут не виновнее, чем пресловутое «платье невестки».

Но, что греха таить, посягательство со стороны Арины на роль «примы», – это уже месяц, как стоило Дусе таких нервов, что казалось ей «карой божией». Неминуемой и вездесущей. И то, правда, – ладно, господа офицеры... Но даже лапотные нижние чины, и те при виде «дочки» подкручивают усы, подтягиваются на костылях, поддегивают мотню на застиранных дожелта кальсонах, – смотреть тошно!

Но, пожалуй, и это можно было бы пережить, – грех радо-

ваться, но пополнение в госпиталь приходило регулярно, однако... Вот эти ямочки на небритых щеках флотского лейтенанта, которые возникали так же, как сейчас на солнышко, – на появление Арины... Вот это простить было трудно.

Да только понять легко.

Ведь сиделкой лейтенанта она сюда и попала из головного фронтowego госпиталя – эта Арина.

Странная она была, по наблюдениям Евдокии. Главный врач к ней на «вы» – но это ладно, он вообще вчерашний студент, со всеми кланяется. А вот почему даже старшая фельдшерица «Гангрена» Карловна безропотно и без всякой оглядки на график дежурства отпускала Арину, стоило той запроситься в офицерский флигель?

«Не иначе, как тайная его полюбовница, – приходила к выводу Дуся. – А что им, барам? Стыда не знают, потому как – кто их пристыдит? Графья! Таких и венчают, на ком хочешь, да по три раза кряду...» – мечтательно вздыхала она, с утиной валкостью ковыляя мимо крыльца госпиталя с жестяным корытом под мышкой.

В том, что лейтенант Иванов из дворян, – сомнений у прачки не было ни малейших. Сами извольте видеть – благородный как с портретов, что остались на парадной лестнице госпиталя от прежних хозяев.

Как не было сомнений и в том, что Арине просто «свезло» – видно же, что «из простых». Вон, какое обращение с нашими, всё: «Простите, пожалуйста, да будьте любезны». А

у самой на носу веснушки дворовой девки, как будто пудры ещё не выдумали; ресницы – без туши глаз и не найдёшь, хотя...

Да, что врать-то? Такие глаза, поди, не заметь. Синие. Как море в солнечный день. Да такое море, что за годы в Виндаве и припомнить трудно. Балтийское-то море серое.

– И всё равно «свезло»! – упрямо хмурила Дуся смоляные брови и снова, через покатое плечо, косилась на крыльцо бывшей панской усадьбы, где, точно на завалинке, запахнув на сдвинутых коленях полы чёрной шинели, сидел и жмурился на солнце бледный морской офицер.

Этот его синий китель с белым кантом стоячего воротника, что виднелся в отворотах шинели, также добавлял парадной строгости к благородному профилю лейтенанта, и тем трогательнее была блуждающая улыбка на губах, и эти ямочки...

«Эх, свезло же девке... – снова вздыхала Дуся. – Даром, что “болезный” её пока что слегка блаженный: толком не разговаривает, только губы жуёт, будто слова подбирает. Да и ходит, как вчера только научился, хоть и без палочки. Ну да контузия – дело такое. Сразу дураком не очнулся, значит, отойдёт ещё. Вон, уже и так видно, что отходит. Ишь, как на дармовые окорока засмотрелся...»

Прачка с кавалерийской лихостью выпрямила спину, подбоченилась свободной рукой, отчего корыто на бедре заходило ходуном, как навьюченное на лошадиный круп. Долж-

но быть, приняла на свой счёт оживление лейтенанта, вдруг очнувшегося от забытья.

Но взгляд, с которым лейтенант Его Императорского Величества Военно-морского флота, прищурившись, уставился куда-то вдаль, хоть и впрямь был вполне осмысленным, но искал отнюдь не кустодиевских форм Евдокии.

Внимание его привлёк механический стрекот, волнами накатывавший откуда-то сверху, из-за головы прачки, из заоблачного далёка.

В пепельно-серых глазах лейтенанта Иванова отразились птичьи резные крылья...

Морская хроника

18 ноября. Гибель турецкого минного заградителя «Нилуфер», вышедшего для действий против русской морокой торговли в западной части Черного моря на линии Одесса – Дунай. Причина гибели не выяснена, вероятно, – взрыв на mine.

21 ноября. Обстрел порта Туапсе и его нефтяных складов крейсером «Гамидие», выпустившим 80 фугасных снарядов, которыми была разрушена радиостанция и повреждены некоторые портовые сооружения.

Кабинетные разговоры.

Петроград. Кабинет статского советника А. И. Иванова
– По всем данным, Германия резко усилила поддержку ту-

репкой армии. Один большой пароход с оружием и амуницией наши потопили, – ротмистр Буровский выложил на стол штабную сводку. – Но ещё два заканчивают разгрузку в Трапезунде. Сведения точные.

Ротмистр мог и не добавлять это – все присутствующие знали, что и в Трапезунде, и во всех портах Лазистана и юго-востока Анатолии действует обширная и проверенная агентура.

Венцель только и спросил:

– Немцам-то это зачем?

Статский советник невесело усмехнулся.

– Это как раз понятно. Хотят оттянуть на Кавказ наши войска, вынудить вернуть на Кавказский фронт те дивизии, которые мы перебросили на Север – и тогда всерьёз потеснить нас в Прибалтике.

Седовласый капитан 1-го ранга Садовский, большой знаток морского дела, но не столь большой – сухопутного, даже плечом передёрнул:

– Неужто они сами не знают, что турецкая армия уступает и нам, и западной Антанте? Англичане вон уже к Багдаду подходят.

Алексей Иванович ответил не только ему, но и всем остальным:

– Для Вильгельма турецкое мясо и кровь – так, разменная монета. Важно для него только, чтобы Турция воевала и как можно старательнее. Конечно, оттоманская армия – и гене-

ралитет, и вообще организация уступают всем, – но военные действия на Кавказском фронте способны отвлечь часть наших сил с фронтов в Польше и Галиции. Дать шанс на победу германской армии, даже ценой поражения Оттоманской империи. А уж если турки, не приведи господи, чего-то там достигнут...

Ротмистр Буровский подхватил:

– Не надо недооценивать, сколько ресурсов уже вложила Германия в турецкую армию. У них вообще с этим пунктик. Ещё до войны германский кайзер заявлял: «Или на укреплениях Босфора будет скоро развеяться германский флаг, или же меня постигнет печальная судьба великого изгнанника на острове Св. Елены».

Улыбнулся только Венцель, которого всегда забавлял высокопарный стиль высказываний германского кайзера. Но продолжил он уже безо всяких улыбок:

– Пока что всё, что там делается, укладывается в логику «германского флага». Закрыть проливы, втянуть Турцию в войну, сравнить напрямую с Россией, ослабляя обе стороны, и в конце концов, если ещё договорятся с Болгарией, уже и самим выйти на Босфор.

Статский советник Алексей Иванович жестом остановил рассуждения штабс-капитана, при всей компетентности разведчика Венцеля в «большой политике»:

– Мы сняли уже больше половины боеспособных частей с Кавказа. Так что у турецкой 3-й армии – преимущество

и в живой силе, и в вооружении. И надо не забывать о мусульманском факторе. В Аджарии, похоже, вот-вот вспыхнет восстание. Непокойно и в Азербайджане. Боюсь, что наши, начав первое наступление на Кавказском фронте, не всё учли... Как бы не пришлось отступить.

ГЛАВА 3. КИРИЛЛ

Железнодорожная станция Обертау

«Таубе», – мельком глянув вверх, определил ещё один лейтенант Иванов (брат, по старой армейской традиции именуемый «вторым») в полутора верстах от госпиталя, на дощатой платформе железнодорожной станции.

– Модель старая, ни на что толком не годная. В худшем случае может стальных стрел отсыпать, да пудовой бомбой угостить... – своеобразно успокоил Кирилл Иванович попутчика, также выскочившего из пульмановского вагона с распахнутым портсигаром.

– Ну, вас к чёрту... – проворчал драгунский капитан. – Говорят, пущенная с высоты ихняя стальная стрелка пробивает всадника от темени до самых шпор?

– Если только он казакует, стоя на седле... – вынимая из предложенного портсигара папиросу, уточнил Кирилл. – Так-то, только до задницы. И, кстати сказать, это не ихняя... – невольно поддразнил он казака, – а самая, что ни есть, наша. Поручика Слесарёва изобретение.

– Утешили, – хмыкнул кавалерист. – Хрен редьки... Этак и каску носить приучишься.

– Бесплезно, прошьёт, как игла ветошку, – со знанием дела возразил лейтенант Военно-воздушного Его Императорского Величества флота.

– Я тогда, пожалуй, на дебаркадере покурю, – нахмурился капитан, даром, что II степени георгиевский кавалер, а под дебаркадером скорее понимал его крышу, сложенную из толстых кровельных досок. – Братец, а в какой стороне станция будет? – обратился он к пожилому фельдфебелю со странным дерматиновым фартуком поверх гимнастёрки, точно из диванной спинки вырезанным.

– Прямо, ваше высочорodie, – устало махнул фельдфебель вдоль состава, но, с ходу оценив тыловую ухоженность, отутюженный лоск офицерских мундиров, нашёл нужным добавить: – Только вы там сейчас ни начальника не сыщете, ваше высочорodie, ни коменданта.

– Отчего ж так? – недобро усмехнулся капитан. – Прячутся от ответа, чёртовы дети? Второй час паровоза подать не могут. Стоим тут, что коза на привязи...

– И не подадут, – равнодушно ответил фельдфебель.

– Как это не подадут? – раздражённо взмахнул папиросой кавалерист.

– Они не то что штатский отправить не могут, – с лёгкой завистью проследил служивый дымный очерк папиросы. – Они и госпитальный состав в эвакуацию, и тот не отправляют, пока особый эшелон не уйдёт. А у них там цельный генерал отправки требует и полевым судом страшает. Так что, вам лучше поближе к хранилищу переждать.

– Чего переждать, братец? – заподозрив неладное, свёл капитан густые, точно сажей наведённые, брови.

– А... вы ж только первый день у нас стоите, – не сразу ответил фельдфебель, по-прежнему зачарованный туго набитой капитанской папиросой. – Вот эта холера кожный божий день штырями железными посыпает. Кружит, гадёныш, кружит, а потом, – на тебе, народ православный, гостинцев.

– Тьфу ты, накаркали, – скрипнул зубами капитан, покосившись на нового своего приятеля лётчика. – Штыри. Это как ваши «стрелы Слесарёва», что ли?

– Госпитальный эшелон, говоришь? – запоздало вмешался в разговор лейтенант Иванов (второй), теперь только сообразив предназначение дерматинового фартука фельдфебеля. – А что тут за госпиталь?

– Фронтовой, эвакуационный. Кого, значит, в комиссию, кого в тыл долечиваться, а, кого, значит, и на списание вчисляю, – красноречиво вытер фельдфебель ладони о фартук.

Заскорузлые, изъеденные, но чистые ладони. Чистые до хлорной белизны.

– А ты, выходит, здешний Харон, – понятиливо кивнул Кирилл.

– Так точно. Харитон Спиридонов... – неуверенно вскинул горстью к непокрытой голове служивый. – Третьего фронтового 2-го санитарного эшелона приписного состава старший санитар.

– Третьего, говоришь? – вдруг оживившись, перебил его лейтенант Иванов.

Именно 3-й фронтовой госпиталь 2-го санитарного эшелона он и искал, прочитав дома в Санктъ... Петрограде, адрес на письме, написанном незнакомым гимназически-старательным женским почерком. Это изрядно перепугало отца, – чужой почерк, – пока он не дочитал, что брат Кирилла, лейтенант Императорского военно-морского флота Вадим Иванов, находится в третьем фронтовом госпитале в числе выздоравливающих. (Слава Богу!) После сложной операции, но уже велит кланяться.

Надо знать, что фронтовой госпиталь от полевого тем и отличается, что находится во втором эшелоне (в прифронтовой полосе), и отсюда дорога если не обратно на фронт, в действующую армию, то в тыл, до окончательного выздоровления или комиссования. Как карта ляжет.

Как? Это и хотело знать всё семейство Ивановых.

И взялся выяснить Кирилл, пользуясь трёхдневным остатком отпуска после высочайшей аудиенции, а затем службы в Царскосельской авиашколе, – хоть и рисковал вызвать подозрения у всякого комендантского патруля: уж больно не соответствовала предписанию быть в Севастополе Курляндская губерния. Тем более, сейчас, когда немец тут пошёл в наступление и уже занял Либаву. Соответственно – снова в обозах слухи о предательстве, снова германский шпион мерещится во всякой непривычной фамилии.

И снова, – чёрт знает, где искать прифронтовой госпиталь, когда линия фронта чертится со слов казачьих разъездов.

Но, по мнению Кирилла, ещё большей опасностью для предприятия было то, что прикрывать его от излишнего любопытства комиссариатов и комендатур взялась, скорее настырно увязалась, сестра Кира. Заявив с робкой самонадеянностью: дескать, её броское «китайское» личико само по себе вполне примечательно, чтобы не замечать рядом с ним даже бравого военного лётчика.

Сомнительный довод, но если учесть, что, выдвинув его, Кира незаметно для себя порвала шёлковый платок, нервно тиская его в кулачках – довод неоспоримый.

– А не видал там у вас в третьем такого себе Иванова, тоже лейтенанта? – спросил Харитона «тоже лейтенант» Иванов.

– Ну-у, ваш бродь, – протянул санитар, не сдержавшись, чтобы не то хохотнуть, не то фыркнуть. – Ивановых-то у нас...

– Этот приметный. Флотских-то у вас нет, наверное? – сузил зрачки пепельно-серых глаз Кирилл. – А этот флотский, с тяжёлой контузией.

– Это которому сам Бурденко голову сверлил? – мгновенно отреагировал санитар. – Как же, есть такое чудо, ваше высокородие! Прошу покорнейше, – стушевался он, вдруг спохватившись: – То-то гляжу, наш Иванов на вас похож...

Капитан-кавалерист, расплывшись в улыбке, молча раскрыл перед служивым свой портсигар. О героическом брате Иванова – флотском офицере, он, по долгому вагонному со-

седству, уже слышал. И от брата, и от сестры, не очень-то похожей на сестру, но зато кружащей голову с первого взгляда.

Её, Киру Иванову, к немалому сожалению капитана, брат убедил остаться в гостинице Гробина – последнего городка, куда доходило гражданское пассажирское сообщение. Дальше – только военные эшелоны. Из чего, дескать, следовало, – если куда и будет эвакуирован прифронтовой госпиталь, то в Гробин в первую очередь.

И, дескать, если в сутолоке войсковых эшелонов близ фронта пропустить госпитальный будет не таким уж и хитрым делом, то в тыловом губернском городке – событие, найдёшь сразу.

«А жаль... – украдкой вздыхал с тех пор капитан. – Барышня как из фильма про Клеопатру. Экзотическая».

Иванов (второй) незамедлительно отправился на поиски Иванова (первого).

– Госпиталь он на мызе графской, – уже вдогонку скрипящему гравию прокричал санитар-фельдфебель, не оборачиваясь (занят был портсигаром капитана). – Мыза тут одна. А сродственник ваш в офицерском флигеле. Отдельно квартирует с «дочкой»...

– С кем? – споткнулся через рельсы соседних путей Иванов (второй) и обернулся. – Какой ещё дочкой?! – взгляд его был полон весело-тревожного недоумения. Он даже рефлексивно, наверное, поправил кончиками пальцев свои аккурат-

ные, на английском манер, усики.

– Так с этой... – ответ фельдфебеля заглушил зычный крик из дальнего тамбура и, мгновенно подхвативший его нестройный хор-эхо из соседних вагонов-теплушек:

– Бомба!

– Налёт!

– Ложись!

– Он с ней и приехал... – едва расслышал Кирилл окончание фразы, как точку в ней поставила внезапно наступившая тишина.

Только всё нарастающий вой продавливал эту немую тишину, обрастая попутной разноголосицей свиста...

Кавалерист-капитан, торопливо захлопнув портсигар, подался назад на ступени тамбура.

Пожилой санитар с привычным проворством упал и закатился за чёрный блин колеса.

Затрещал гравий под ботинками и сапогами пассажиров, выпрыгивающих в окна пульмановского вагона и в распахнутые двери соседских теплушек.

Ещё миг воюющей тишины, от которой Кирилл невольно попятился в сторону дебаркадера, – и...

...с грохотом пламя выбросило из тамбура кавалериста.

Вздыбленный щебень с той стороны взлетел выше показной крыши, её зелёная жесть мгновение спустя закрипела и взлохматилась краями дыр.

Затрещали и дощатые потолки теплушек, покрываясь из-

нутри блёстками просветов.

Молча осел на землю грузный полковник, громоздя поверх фуражки французского образца каску, потерянную молодым солдатиком.

Тот истошно выл подле, лихорадочно ощупывая на плече железное оперение стрелы...

Напророченный налёт германского моноплана, к счастью, – дело было привычное и недолгое.

«Как всегда...» – понял Кирилл по довольно флегматичной реакции обитателей привокзального майдана и путейцев, с привычной ленцой собиравшихся тут же в обход и, поэтому, не дожидаясь пока птичья тень «голубя» уползёт во все, только глубже натянул фуражку. И зашагал по свободному пути, в обход эшелона, где, являя предписанную уставом стойкость, оставались на местах часовые. Видимо, тот самый эшелон, «особый», и охраны требовал особо тщательной.

– Что за особый такой? Литерный? – мимоходом поинтересовался лейтенант у обходчика, огибая железное рыло паровоза, поданного к привилегированному составу.

– Да по нынешним временам и попородистей литерного будет, – глухо буркнул усталый обходчик. – Не знаю, как и назвать, но велено пропускать вперёд всех прочих. Хотя мы тут и литерный видали... – вздохнул он. И отчего-то даже перекрестился: – Романовский.

– Царский, что ли? – недоверчиво удивился авиатор и даже приостановился. – Не припомню что-то, чтобы импера-

тор сюда выезжал.

– Не император, – помотал головой обходчик. – Великий князь. И не выезжал, а отъезжал, пожалуй...

– Это ж который? – вопросительно наморщил лоб Иванов (второй).

ГЛАВА 4

Кабинетные разговоры.

Петроград. Кабинет статского советника А. И. Иванова

Ротмистр Буровский, подождав, пока последний из непременных участников совещания 4-го отдела аппарата МИД, капитан 1-го ранга Глеб Михайлович Садовский, устроится в вольтеровском кресле, обратился к старшему по рангу, статскому советнику Иванову:

– Не перестаю удивляться вашему пророческому дару, Алексей Иванович! Никто и не подумал тогда, в октябре, что турки остановят нашу Кавказскую армию.

Статский советник характерным «Ивановским» движением потёр лоб у самого края заметно редеющих волос. И сказал:

– Если бы только остановили. А то почти что опрокинули. Не будь там такого... рельефа, – Алексей Иванович сделал паузу, то ли подбирая слово, заменяющее оборот «труднопроходимая горная местность с неразвитыми коммуникациями и естественными преградами, позволяющими малыми силами останавливать наступление мощных группировок противника», то ли приличный эпитет к нему, – то потери живой силы и территорий были б куда больше.

Каперанг Садовский даже привстал, очерчивая на карте волнистую линию и полукружие между морем и Михайлов-

ской крепостью, и в чрезвычайной близости от Батума.

– Почти что к самому Батуму прорвались басурмане! К левому берегу Чороха вышли. Только и осталось, что Михайловская крепость да собственно Батумский крепостной район.

– Но всё-таки казаки генерала Ляхова их остановили, – подал голос штабс-капитан Иван Венцель. – И если бы не восстание аджарцев – опять-таки поклон в вашу сторону, Алексей Иванович, это о вашей сентенции о «мусульманском факторе», – остановили бы их куда раньше.

– Да уж, на самом краешке удерживаем, – покачал седой головой Глеб Михайлович Садовский. – Чуть дальше, чем на ружейный выстрел. А в Батуме – все запасы нефти Черноморского флота. То всё с моря беды ждали, от проклятущего «Гебена», береговые батареи новыми десятидюймовками оснастили – а беда по суше пришла.

Алексей Иванович несколько раз кивнул и обронил, как бы немного рассеянно:

– Уверен, Эбергард тоже понимает значение Батума. Равно как Трапезунда – для турок.

Наблюдательный ротмистр Буровский почувствовал, что статский советник поглощён некоей мыслью. Такой, что по сравнению с ней понимание реальной опасности для Батума, главной нефтегавани флота – туда подходит нефтепровод из Баку, – волнует его в меньшей степени.

А тем временем каперанг Садовский, более всех осведом-

лённый о ситуации в штабе Черноморского флота, продолжал:

– Да, сейчас решается вопрос: или выбросить в тылу турецкой группировки, противостоящей Приморскому отряду Ельшина, большой десант, или организовать наступлению казаков мощную артиллерийскую поддержку с моря.

– И когда же они примут решение? – поинтересовался штабс-капитан Венцель. – Не с опозданием ли?

– Побойтесь бога, Иван Артурович, – отмахнулся Садовский. – Дня два, не больше. Там уже есть несколько бортов артиллерийской поддержки, а третьего дня придёт большая эскадра, все пять линкоров, крейсера и два соединения миноносцев. А пока будут идти, то и решат окончательно, что и как делать.

Подал голос и ротмистр Буровский – вроде как успокоить встревоженного Венцеля, но ещё более – попытаться угадать, какие мысли одолевают главного контрразведчика.

– Сил там, на побережье, у османов не так много. Они главный удар нацеливают на Тифлис.

В общем-то ротмистр правильно угадал основное направление мыслей статского советника. Но только в первом приближении.

– Необязательно... – сказал Алексей Иванович. – Даже, думаю, обязательно не. Энвер-паша сам же лично принял командование 3-й армией. И усилил её лучшими частями.

– Константинопольской гвардией, – уточнил штабс-капи-

тан Венцель. – И дикой курдской кавалерией. Головорезы, говорят, отчаянные. Так что опасения насчёт столицы Закавказья приобретают реальные очертания.

– Для него Тифлис – это наверняка лишь промежуточная цель, – отрицательно покачал головой статский советник. – У сего «великого полководца» (иронию почувствовали не все) и масштабы великие. Ему надо всё Закавказье, от моря Чёрного до Каспия. Устроить там мусульманскую революцию, ну и заодно отрезать нас от нефти.

В числе не уловивших иронию оказался, как ни странно, весьма наблюдательный ротмистр. Во всяком случае, Буровский воскликнул почти что возмущённо:

– Какой там «великий полководец»? Что там у него особого боевого опыта? Военный министр и полководец – это, знаете, не одно и то же.

– Ну, какая-то подготовка у него есть, – признал Садовский.

– Он окончил германскую военную академию, – подтвердил штабс-капитан Венцель. – Даже, кажется, в числе лучших.

Алексею Ивановичу эта реплика явно пришлась по душе. Он и сказал, будто в продолжение слов штабс-капитана:

– Да, и собрал подходящих помощников: начальники штаба – немцы майор Гюзе, генерал Бронзарт фон Шеллендорф, начальник оперативного отдела – майор Фельдман. «Оборонца» Хасан-Изет-пашу, как помеху своим планам, Эн-

вер-паша отстранил от командования.

Но закончил совсем неожиданно:

– И это даёт нам большой шанс.

Капитан 1-го ранга Садовский честно признался:

– Не улавливаю... Это почему же?

– Потому что действовать будет он по немецкому шаблону, – пояснил разведчик. – Попытается повторить то, что сделал Гинденбург в Восточной Пруссии, в августе.

И продолжил, слегка повысив голос:

– А то, что в Лазистане не то, что железных, обычных дорог нет, и морозы под Сарыкамышем – как раз для «константинопольцев», чтобы вымерзли к чертям, и сил у него на первый удар, может быть, и хватит, а на второй – один замах останется, потому что от Эрзрума разве что винтовочные патроны успеют довести, – не учитывает.

– То есть он планирует окружить главные силы нашей Кавказской армии под Сарыкамышем, – сообразил ротмистр Буровский, – тем самым оголив свои фланги и без серьёзных тылов. А немцы ему не подскажут, что это не риск, а скорее авантюра?

– Так на то они и немцы, чтобы по прусским шаблонам думать, – безжалостно бросил Венцель.

– Вот именно, – впервые усмехнулся Алексей Иванович. – Надеюсь, его сиятельство граф и присный его, Мышлаевский, не запаникуют от первого удара.

– Если что, Юденич подстрахует, – согласился Роман Ге-

оргиевич Буровский, неплохо осведомлённый не только в происходящем в Лазистане, но и в Тбилиси, в штабе Кавказской армии.

– А там и увидим, кто кого в мешок посадит, – закончил статский советник.

ГЛАВА 5. ГРАФСКОЕ ГНЕЗДО С КРЫЛЬЯМИ

Курляндия. Тыловой госпиталь в Обертау

– А чья мыза-то? – поинтересовался Кирилл, спускаясь по вытертым мраморным ступеням усадьбы.

– Ка-акой... – с запинкой начал брат, но в силу устоявшейся привычки Арина, та самая «командорская внучка», что вывезла Вадима на лечение из Севастополя, закончила за него:

– Какие-то остзейские графья. Последний хозяин, кажется, молодой. Сейчас где-то на фронте. Ой, прости, – спохватилась она, погладив ладонью по серой щеке Вадима.

Сама же чуть ли не заставляла его бороться с остаточным последствием контузии, – говорить. Говорить, несмотря на то, что первоначальное глухонемое мычание, в котором едва можно было угадать слова, переросло в стойкое заикание, которого Вадим стеснялся, как выпускник прогимназии в новых старших классах.

– А этот граф? – понятливо улыбнулся в усы Кирилл. – Он, часом, не авиатор?

Вопрос был закономерен.

Если на парадной лестнице усадьбы сумрачно глядели на незваных гостей яблоки-медальоны с генеалогического

древа старинной фамилии – парадные портреты, начиная с 1550-го, – то уже в вестибюле, в ногу со временем, всё больше были фотографии. По-немецки большие, как иная картина, но вполне жанровые.

Тут молодцеватый усач с острой бородкой барона Мюнхгаузена – и впрямь, «Гаузен», прочитал на медной табличке Кирилл, – скалит молодые здоровые зубы, чуть ли не прямо под совиными глазами авиаторских очков, в шлеме, педантично застёгнутом на все пуговички, затянутом на все ремешки. Скалится, сидя в одноместном гнезде «фармана», на ажурной раме фюзеляжа. Тут он же, но уже на крыле «фармана», с цирковой лихостью ухватившись за расчалки би-плана. И, наконец, в знакомой Кириллу форме русского добровольческого авиаотряда, – то бишь если бы не коричневый горшок на голове – кожаный шлем с огромной «мухой», как тогда ещё, в 13-м, прозвали державного орла со шпагой и пропеллером. Типичный болгарский офицер: английский френч при турецких шароварах, на лицо вот только не очень на южанина похож.

Балканская война.

Так, должно быть, домой и не возвращался с тех пор, судя...

– Тут даже аэроплан его гниёт да разваливается до сих пор, в амбаре, на попятном дворе, – кстати заметила Арина.
– Что, правда? – оживился Кирилл едва ли с меньшим эн-

тузиазмом, чем тогда, когда нашёл на завалинке прачечной, позади усадьбы, брата. – Идёмте, идёмте же взглянем!

Лейтенант Императорского воздушного флота тотчас стал похож на только что пришпиленное булавкой насекомое. Вроде бы оставался на месте, памятуя, что сам же и потащил брата с его спутницей в заброшенный регулярный парк усадьбы «немедленно заняться лечебной гимнастикой, и да-да, осмотреть достопримечательности», – но теперь, искушённый куда более привлекательными руинами аэроплана, как будто весь задёргался.

– Мало вы на них насмотрелись? – со смешливым удивлением возразила Арина, но, перехватив взгляд Вадима, сменила тон: – Смотрю, вы как те наши мальчишки – пока не напрыгаетесь на сиденье, пукая губами... – девушка с детской серьёзностью изобразила нечто, отдалённо напоминающее стрекот мотора.

– Вот именно! – обрадовался Кирилл. – Слетаем к Глаше в Питер, и к обеду будем!

Он даже залихватски подкрутил уголки своих «британских» усиков, будто уже репетируя бравое появление перед домохозяйкой Глашей для рапорта.

– Да как же вы слетаете? – облизнув натруженные губы, недоверчиво нахмурилась Арина. – Он там весь плесенью зарос?

– Вот как вы показали, так и слетаем, – как ни в чём ни бывало, подтвердил Кирилл. – Я буду пилот, а Вадим будет

мотор, он для этого превосходно заикается. Вадюша, скажи «П»? П... П?..

– Пошёл к чёрту, – с неожиданной лёгкостью произнёс контуженый.

– Ну, ничего, как-нибудь, – подхватил брата под локоть Кирилл.

– Идите вы оба, – запинаясь на смех, отмахнулась Арина. – Сама гулять пойду, а то у меня потом дежурство.

– Что там Ва... вэ?.. – закивал куда-то за спину Кирилла Вадим, когда они остались вдвоём на мощёной тропинке парка.

– Ваше Величество? – обернувшись в сторону станции, по-своему сообразил брат. – Что ему делается? Здравствует да царствует. Одно слово: «Да здравствует!»

– Д-дэ... Да ну его, – с досадой отмахнулся Вадим, беря брата под локоть. – Как Вэ... Васька как?

Они двинулись в обратную сторону. Кирилл нахмурился, поджал фамильно-пухлые губы и, внимательно посмотрев на брата покачал головой:

– С тех пор, как чемодан его привёз посыльный из «бюро находок» – ничего. Ни слуху ни духу.

Вадим кивнул.

– Сам знаешь, сейчас такое на дорогах творится... – махнув рукой, добавил Кирилл.

Привычки утешать друг друга у братьев не было. Всю жизнь диспозиция «старший и младший» была для них толь-

ко поводом выяснения, и не столько первенства, сколько большего мужества, – когда синяки не в жалость, а в гордость, а ватка с зелёной: «Ну, тапан, что вы мне как маленькому?» – унизительна и повод к братнему злорадству.

– На дорогах неразбериха, жандармы мобилизованы в караул, разбой процветает... – продолжил было Иванов-второй, но первый выразительно отмахнулся.

Кирилл улыбнулся. Кривовато, судя по усикам, но всё-таки:

– Да, и я того же мнения. На фронт бежал подлец. Решил небось, что во всю войну ему дальше Маркизовой лужи походов не видать, вот и подался в действующую армию.

Вадим энергично закивал, соглашаясь.

Кивнул и Кирилл:

– Все бегут. И с конюшен, и с дворцов. Даже с благородных пансионеров переодетые девицы, как в восемьсот двенадцатом. Да я бы и сам побёг на его месте, ей-богу.

Вадим снова закивал, но будто бы перебил сам себя, учительски подняв палец и с карикатурной строгостью сведя брови:

– Фэ... Фролов?

– Начальник курсов? – догадался Кирилл. – Отец созванивался, и тот успокоил его, что до выяснения всех обстоятельств ни об отчислении из гардемаринских классов, ни об объявлении дезертиром Василия – речи не идёт. И идти не

может, – добавил он выразительно.

На что Вадим не менее выразительно перекрестился:

– Сэ... Слава Богу.

– Аминь, – легко согласился брат. – Это бы Ваську куда больше расстроило, чем даже пуля в задницу.

Вадим протестующее поморщился.

– Дэ... дай Бог, чтобы в... вэ... – и снова привлёк внимание брата, потянув с вопросительной гримасой за локоть: – А что Цэ... Царь, в самом деле? Кэ... Как?

– Да, молодцом, как для нынешних обстоятельств, – Кирилл пожал плечами.

Они вошли под каменную арку с мимом в замковом камне.

– Хотя, правду сказать, по нему не скажешь, чтобы «аж». С лица спал. Под глазами тени, хоть икону пиши. Оно и понятно, беспокоится. Вот, о довольствии спрашивал...

Кирилл закатил глаза, придав лицу известное портретно-постное благообразие и, дав понять тем самым, что теперь перед Вадимом «Сам», спросил, будто вспомнил нечто важное:

– А что, шоколад вам горький поставляют, от «Крафта»? Или «Абрикосовский»?..

И, тронув брата за рукав госпитального халата, добавил почти шёпотом, словно опасаясь строгости «дядьки» гофмейстера:

– Я распорядился, чтобы от «Крафта».

Вадим, смотревший всю эту пантомиму с лёгким недоумением, в конце фыркнул:

– П.... п....

– И я того же мнения, – быстро согласился Кирилл.

– Провокатор, – собравшись с духом, поправил его брат, но, впрочем, уже не был услышан: тем временем они прошли разъезженный, засеянный соломой попятный двор.

Протолкались среди обычной его суеты, среди обозных подвод и заляпанных санитарных фургонов. Подошли к осевшему амбару, из распахнутых ворот которого виднелся почти заложённый подопревшим сеном аэроплан.

– Ба, так это же родной брат того пернатого вредителя, что вам тут житья не даёт! – непонятно чему обрадовался лейтенант Императорского воздушного флота.

– М... младший, – скептически скривился лейтенант флота военно-морского.

– Да нет, как раз таки, – ничуть не унывая, схватился Кирилл за покосившееся полотно дощатых ворот. – Старший.

И добавил, кряхтя от усилия:

– Ста-арший. – Ворота, вторя авиатору, натужно заскрипели, поддаваясь: – ...И презиждно.

Переговоры «наверху»

*Петроград. Кабинет министра иностранных дел
С. Д. Сазонова*

В кабинет министра иностранных дел Алексей Иванович,

статский советник, вошёл без доклада, не задерживаясь в приёмной, только поздоровавшись по-французски с вторым секретарем посольства Мориса Палеолога, который ожидал очереди, коротая время за светским разговором с помощником министра.

В кабинете, аккуратно сидя на краешке кресла, уже достаточно долго – судя по выражению лица Сазонова, – пребывал румынский посланник.

Министр обменялся взглядами с руководителем политической разведки и поднялся из-за стола, сообщив румыну, что аудиенция закончена.

– Срочные новости? – спросил Сазонов, когда посланник, произнеся всё, что положено по дипломатическому ритуалу и получив заверение как в скорейшем информировании государя, так и скорой новой аудиенции, удалился.

– Да, и не предназначенные для посторонних.

– Впрочем, что это я? – усмехнулся Сергей Дмитриевич. – Если вы вот так достаиваете меня своим визитом, значит, новости того стоят и конфиденциальность предполагается. Откуда на этот раз?

– Из Лондона. Заседание Кабинета министров от 9 ноября. Присутствовали не все, но ключевые фигуры были: Ллойд Джордж, Грей, Черчилль, ну и, конечно, проведено под председательством Асквита. Докладчиком по первому вопросу был Герберт Самюэль и, как вы понимаете, где он, там и еврейский вопрос.

– А второй вопрос – я так понимаю, вы из-за него потопились?

– Да, расчленение Османской империи, плюс, конечно, судьба проливов.

– Вот как? В передовице «Таймс» об этом ни слова... – Министр чуть отодвинул лист-четвертушку, на который были аккуратно наклеены телеграфные ленточки, распечатка передовицы газеты, присланная срочно из Лондона. – И наше посольство не в курсе.

– Эта часть обсуждения была закрытой и никак не афишируется.

Сазонов только головой покачал:

– Только не говорите, что вы на прямой связи с Асквитом, Алексей Иванович.

Теперь позволил себе улыбнуться и статский советник.

– Ну, зачем же? Есть стенографы, протоколисты, хронисты, архивариусы, ремингтонистки... Кстати, за дословность я не ручаюсь, но в передаче общего смысла уверен.

– Так что там касается нас? – остановил его Сазонов, по старому доброму обычаю русской аристократии не любящий вникать в щепетильные подробности.

– В известной мере нас касается и первый вопрос. Они собираются создать в Палестине еврейское государство, открыть туда переселение – и тем самым снять остроту проблемы.

– Что, наших... э-э... подданных тоже будут пускать? – с

некоторой долей интереса спросил Сергей Дмитриевич, хотя вопросами внутренней политики опекался мало.

– Полагаю, что да, – подтвердил Иванов. – И это, представляется, выход, то есть разумная перспектива для всех этих, зараженных социализмом.

И сразу же перешёл к главной теме, справедливо полагая, что умнику Сазонову не надо подробно разъяснять, каким образом перспектива обустроить свою новую страну для своего народа пересилит социалистические иллюзии всемирного равенства, братства и чего там ещё навывдумывали их идеологи и «вожди» хоть во фраках, хоть в лапсердаках.

– Ваш коллега, сэр Эдвард Грей, изволил задать тон дискуссии о проливах, – начал Алексей Иванович, время от времени заглядывая в свой блокнот, исчерканный одному ему понятными иероглифами. – Не думаю, чтобы он так уж разделял позицию нашей военной пропаганды, но в целом высказался в правильном направлении. Пусть без конкретики. «Абсурдно, что такая громадная... нет, он употребил слово «gigantic», гигантская, – империя, как Россия, обречена располагать гаванями, которые льды загораживают большую часть года, или же такими, как Черноморские, которые сразу же перекрываются при любом военном конфликте».

Сазонов поднял взгляд к лепному потолку и сказал с лёгкой, но вполне понятной насмешкой:

– Да, справедливость под британским протекторатом – это его конёк. А что Ллойд Джордж? Вспомнил обещание ата-

ковать Дарданеллы и тем самым отвлечь турок с Кавказского фронта – в оплату за нашу помощь французам отстоять Париж?

– Политик – он и есть политик. Соображения выгоды для Короны – прежде всего. Басурман они собираются порвать на куски и, похоже, преуспевают. Но понимают, что без России удачный – не говоря уж вообще об осуществимости сего, – раздел Османской империи невозможен; так, значит, надо отдать России вожделенную часть – и тогда Петроград безо всяких примет любой вариант английского и французского расположения хоть в Африке, хоть в Азии. Тем паче, если возле наших границ будут какие-то... скажем, сравнительно нейтральные страны.

– Да, государю будет интересно познакомиться с позицией союзников... – подтвердил Сазонов. – Понимание ценой русской крови – это, в общем-то, ожидаемо.

– Это не всё, что произошло на Даунинг-стрит, – напомнил статский советник.

– Оппозиция? – поднял брови министр.

– Увы... И весьма серьёзная. Черчилль прямо заявил, что если Россия поднимет свои флаги над Босфором и Дарданеллами, то всякая свобода действий и в Северной Африке, и на Ближнем Востоке для нас – то есть для Британии – закончится. Это, мол, не полуживая Турция, на которую цыкнули – и получили бы всё, что надо, не вмешайся Вильгельм в купе со своим венским рамоликом, а великан, с которым

придётся считаться, и чем дальше, тем больше.

Сергей Дмитриевич невольно улыбнулся при словах «венский рамолик» – лексика Первого лорда Адмиралтейства могла позабавить кого угодно, – и спросил:

– Сию позицию-оппозицию разделяют многие?

– Боюсь, что да. Особенно в палате лордов. И не считаться с этим нельзя. Кто, как не вы, ваше высокопревосходительство, проведя столько времени в Лондоне, знаете, что британская политика делается не только – чтоб не сказать «не столько» – на Даунинг-стрит.

– Да, с этим приходится считаться, – согласился министр. – И что же предлагает оппозиция? «Не пуцать»? Перечеркнуть наши устремления, позицию государя – и, как следствие, наше участие в борьбе?

– Отнюдь. Самим захватить проливы, открыть судоходство к взаимной выгоде, прежде всего в военной кампании, а потом, после победоносного завершения войны, милостиво разрешить нам поставить свой флаг рядом с английским и французским.

– Это ваши предположения или их реальный план?

– Насколько реальный – не могу сказать, – глядя в глаза, констатировал Иванов. – Информации пока мало. Но вот что в ведомстве первого лорда, в Адмиралтействе, начали прорабатывать план большой операции соединенных флотов против Дарданелл – уже известно.

– У вас что, свои люди даже в британском Адмиралтей-

стве? – похоже, что Сазонов всё-таки удивился.

Но Алексей Иванович не счёл нужным посвящать министра в подробности.

– Косвенные источники иногда полезнее, – только и сказал разведчик.

ГЛАВА 6. ЯСНО ВИДИМЫЙ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ...

Курляндия. Тыловой госпиталь в Обертау

Влажные искорки в синих глазах, словно блик на морской волне, смущали Вадима, хоть и не было в весёлости Арины ничего такого, что давало бы повод к сомнению.

Но вот и Кирюха-брат не устаёт нашёптывать-нахвалять, толкая в бок локтем:

– Да чем же ты такую живность подкупил, сухарь ты мо-чёный?

– Ж... жив?! – хочет возмутиться моряк, но брат сам поправляется, впрочем, не без ехидцы:

– Живость, говорю, живость этакую. Ну-ка поддержи здесь. Лейтенант флота что есть сил держит сахарными щипцами, за неимением нужного ключа, «зализанную» контргайку, пока лейтенант-авиатор подкручивает на резьбе анкера угловую тягу элерона. Кряхтит от усердия, но успевает заметить громко, не то улыбаясь, не то гримасничая:

– Нет, ну, если б кто из наших знал, что такие музы могут вдохновлять ремонтные работы? Сменили бы, ей-богу, пилотские кресла на табуретки техников.

Муза, скорее сирена, поскольку на комплимент она могла сейчас ответить разве что энергичным мычанием – Ари-

на держала в зубах позднее сочное яблоко, – с дурашливым кокетством потупила глазки на его румяный бочок.

От картины отдавало психиатрической клиникой, тем более что с виду занятие девушки было чистой воды кататонией: мазала резное крыло аэроплана мокрой, но без намёка на краску, кистью. Но и это только делало картину ещё более милой и сердечной. Особенно когда ловким ударом локтя она всадила в жестяную коробку из-под повидла её отогнутую крышку, и...

– Пе-а-о-ы... – произнесла Арина что-то торжественное, помахивая кистью, точно поп на водосвятии, отчего во все стороны брызнуло капелью едкого хлорного раствора.

– Это что-то из господ футуристов? – закатил глаза Кирилл, будто припоминая. – Этот, клоун размалёванный... Маяковский?

– Это... – вынула Арина двумя пальцами яблоко из разинутого рта. – Это я говорю: передайте вашим авиаторам, что нет у них никаких шансов. Пусть себе даже не мечтают. И дело не в том, – она снова помахала кистью, заставив лётчика прикрыться локтем. – Не только в том, что я безраздельно предана морю и морякам.

– Мэ... морякам? – уточняя, нахмурился Вадим.

– Ну, хорошо, моряку, – смилостивилась девушка. – Одному моряку, за которого я уже вскорости выхожу замуж, – вот в чём дело.

– Вскорости? – оживился Кирилл так, что бросил даже не

совсем ещё послушную лопасть. – Это как вскоре?

– Ээ... завтра уже, – невольно расплылся старший брат в самодовольной улыбке, предательски проявившейся ямочками.

– Прямо как кот в Масленицу, – не удержался от замечания младший. – А отчего не дома уже? Тебя ж, сам говорил, до полного выздоровления в отпуск? Вот и ехали б к родителю в Питер или к вашему тятю, – уступил он требовательно взгляду Арины, – в Севастополь. Чтобы в Морском соборе, чтобы всё чин по чину и в присутствии чинов? А потом в дедушкин Яхт-клуб. Что вдруг такой невтерпёж?

Кирилл, сам смутившись сказанного, прочистил горло.

– Пардон муа, я хотел...

– А вот, чтобы не слушать больше этих ваших, – бойко, ничуть не смущаясь с виду, ткнула в него кистью Арина. – Этих ваших неуклюжих пардонов.

Впрочем, её детская шея, в шерстяном валике платка, пошла красными пятнами.

И их прибавилось, когда лейтенант Императорского флота хмыкнул:

– Это и... из-за дэ... Дуськи.

– А кто такая Ду-Дуська? – заинтригованно повёл Кирилл рваной бровью.

– Пэ... прачка. Завидует.

– Не завидует, а злословит! – вовсе вспыхнула девушка. – И не при чём тут эта твоя Дуська!

– Какие страсти гишпанские... – завистливо вздохнул младший брат. – Дульсинея у них тут в жениховские кальсоны рыдает.

– Фу! – свела ломкие чёрные брови Арина.

– Фу, – легко согласился Кирилл и поторопился сменить тему: – Где ж вы тут попа нашли, православные? Всё ксёндзы кругом, как я погляжу.

– Нашли одного, – хмыкнул Вадим. – Пэ... прелюбопытный тип.

– Вадим?! – ахнула девушка. С не совсем правдоподобным ужасом, но всё-таки: – Что значит, – тип? Не тип, а поп! И совершенно замечательный поп. Таких поискать ещё.

– А я про что?.. – виновато пожал плечами Вадим, но брату исподтишка подмигнул. – Дэ... Доктор естествознания, нэ... не хочешь?

– Хочу. Боюсь, что хочу, – подумав, решил Кирилл, вытирая руки тряпицей и садясь на борт самолёта.

Снова открыв жестянку, Арина поболтала белильной кистью в слабом хлорном растворе и сообщила:

– Отец Афанасий, если это, конечно, применительно к священнослужителю, просто душка. Такой оригинал!

Свободной рукой она подняла с земляного пола надгрызенное яблоко, старательно вытерла его изнанкой больничного халата... и вдруг безо всякой жалости выбросила через плечо, брезгливо наморщила носик:

– Нет. Никакого облегчения от вашего яблока. Только что

пахнет лучше, чем резина противогоза.

– Р-р... – начал было Вадим.

– Знаю, что ртом дышать надо было, – отмахнулась Арина. – Першит сильно.

Вадим отрицательно замотал головой.

– Р-ра...

– Раствор ещё послабее сделать? – предположил Кирилл.

– А я что толкую! – с облегчением перевёл дух Вадим.

Дружный смех вспугнул где-то на стрехе тёсовой крыши сонного голубя: заикание после контузии ещё не совсем отпустило Иванова (первого), но случись ему забыть о нём во все – и заикание, в свою очередь, хоть на мгновение, но забывало о моряке.

– И без того, слабее некуда, – вздохнул Иванов (второй), пробуя проволоку тяги большим пальцем на звук, точно гитарную струну. – По-хорошему как раз и надо было так обмыть полотно хлоркой, чтобы день-два сюда без противогоза ходу не было.

– Так за чём дело стало? – удивилась Арина, подзывая руками Вадима, чтобы слезть со скамеечки выстой в пол-аршина. – Сам бы и обмыл, а противогоз, вон, даже у Маруськи есть. – Она мотнула головой куда-то за бревенчатую стену амбара, где предполагалась «Маруська» – старейшая обозная кобыла редкой масти и лени. Противогоз Зеленского, делавший её весьма отдалённо похожей на сказочного единорога, и впрямь, имелся где-то под облучком фургона.

– А затем, что хлорка есть вещество агрессивное, – настаивательно начал Кирилл, осторожно спускаясь с «птичьего» крыла «Taube». – Способное не только истребить споры плесени, но и волокна ткани, в коих та поселилась, и сдаётся, переживает свой «Золотой век».

Лейтенант Иванов, и в глаза именуемый «вторым» согласно армейской традиции горестно похлопал полотно крыла в грубой аппликации латок и в лишайных рыжевато-серых разводах.

Полотно с мудрёным графским гербом отозвалось на ладонь гулом барабанной кожи, но, видимо, не слишком убедительным для опытного уха, – так что Кирилл поморщился:

– Его бы резиновым клеем пропитать...

– А пэ... почему не лаком? – поинтересовался лейтенант Иванов, соответственно старшинству, – «первый».

– А ты себе на корабле паруса залакируй, – я посмотрю... – со вздохом проворчал Кирилл.

– Кэ... какие паруса? – возмутился Вадим. – На бэ... броненосце?

– Я ж и говорю, дилетанты... – как раз таки невозмутимым остался Кирилл. Хотя тут же вскрикнул: – Ну что вы делаете!?! – увидев, как Арина, рискованно держась за расчалки крыла, собирается прыгнуть с низкой скамеечки в руки Вадима.

Судя по гримасе Иванова (второго) – у того сердце зашло.

– Кэ... как... – покачал головой первый.

– Как ты на нём летать собираешься? – закончила за него девушка, отряхивая от ржавой пыли белый передник санитарки. – ...Когда чихать рядом боишься.

– Придёт время, и скоро придёт – и вы узрите, как воспарит сей венец прогресса, – патетически начал Кирилл, подкручивая стриженные усы эпохи «твид». – Не будь я венец природы...

– Ну, положим, если сей аппарат ещё можно назвать венцом прогресса, то только на сегодня, ибо прогресс неудержим, – раздалось внезапно.

– Бэ... браво, отче! – живо обернулся к двери сарая Вадим.

– ...То вас, молодой человек, венцом природы назвать никак нельзя, – с анафемской безапелляционностью закончил протодьяконский бас.

– Довольно обидное заявление, – прищурился на дневной свет и Кирилл.

– Ну, уж не обессудьте. – Неизвестный проявился в ангельском оперении лучей размытым тёмным пятном: – А с точки зрения естественного отбора, вы далеко не самый лучший его образчик.

– А кто же лучший? – словно дитя в предвкушении сюрприза, захлопала в ладоши Арина.

– А вот она...

Арина взвизгнула.

На плече у батюшки суежилась приличных размеров крыса, причем отнюдь не белая лабораторная. А самая что ни есть серая – суть обыкновенная «*rattus vulgaris*».

Или всё-таки необыкновенный? Хоть и не чураются эти твари рода людского, но чтобы аж так с ним соседствовать? Чтобы заботливо перебирать раздвоенную серую бороду святого отца?

– Отчего же всё-таки она венец природы, а не я? – не без азарта поинтересовался Кирилл. – Хоть я и готов признать её премиленькой.

– А оттого, что чтобы с ней, с природой не приключилось, вплоть до нового вселенского потопа... – батюшка на секунду призадумался и поправился: – А ещё верней, чтобы человек в порыве прогресса с ней не учудил, вплоть до рукодельного Апокалипсиса и полного самоуничтожения, – а она таки выживет.

– Пэ... полного самоуничтожения, – меланхолически повторил Вадим. – Что ж, все эти последние события нэ... не могут не наводить на пэ... подобные мэ... мысли.

– А отчего же она, красавица, выживет, а не я выживу? – всё не сдавался Иванов (второй). – Скажем, укрывшись в каком-нибудь подземном убежище вроде тех, что нагородили немцы с французами под Верденом.

– И там она будет с вами, не сомневайтесь, милостивый государь, – пощекотал батюшка пальцем серую плутовскую мордочку. – И, сожрав однажды все ваши съестные запасы,

вплоть до консервов, сживёт вас со свету. А сама останется...

Батюшка прошёл чуть далее в сарай-ангар и только теперь лейтенант флота вдруг разглядел, какой необыкновенной чистоты и синевы глаза у святого отца. Синевы самой яркой и чистоты самой детской. Несмотря на довольно почтенный, судя по густой седине в бороде и лучистым морщинкам, возраст священника.

Впрочем, в сей момент морщинки делали на лице отца Афанасия смешливую гримасу.

– Уж больно, знаете ли, выживаемость и приспособляемость у неё дарвинская, образцовая. А вы, я так понимаю, братец новобрачного?.. – не уточняя, утвердил святой отец. – Уж не обижайтесь: всяк человек всего лишь тварь, просвещённая мошенническим знанием, что он «Венец творения». Тварь, самозвано посягнувшая на трон творца, – заключил отец Афанасий менторским повторением итогового тезиса. Видимо, профессорская привычка к дидактике.

– Я, собственно, зачем заходил... – будто только что вспомнил протоиерей.

– Унизить род человеческий, – пробормотал Кирилл, но святой отец услышал.

– А разве можно его унизить более чем он себя, доведя каннибализм до вполне себе промышленного производства? – с ходу возразил батюшка, и лучистое его личико сделалось совершенно по-детски счастливым. – Согласитесь,

никакой Рафаэль, ни «Ромео с Джульеттой» никогда не извинят этой низости.

– Батюшка, что же в этой глуши делаете? Вам миллионам проповедовать надо! – как всегда, с детской же непосредственностью отозвалась Арина.

– Так потому и здесь, чтоб проповедовать, – кротко ответил Афанасий.

– Да кто же вас здесь поймёт?.. – искренне удивился Кирилл. – В Курляндии-то?

– Так потому и здесь, – с философской анекдотичностью повторил святой отец. – А вам, дочь моя, я принёс «Послание к римлянам» святого апостола Павла. Тут многое о семье и замужестве.

– Да, я... – хотела было возразить Арина, но ступевалась.

– А это и во всё время брака читать полезно, – ничуть не смутился батюшка. – Вы уж простите меня за школярское богословие, но: ибо «Всё Писание полезно к назиданию...», а я добавлю: «И во всякое время». А я...

Мощный хлопок во дворе – словно разорвало кузнечный мех, – заставил отца Афанасия осечься. На одно только мгновение.

– Опять супостат прилетел! – пробормотал он, оборачиваясь. – Но сюда-то, под Красный Крест, как посмел... гадёныш?

От такого окончания проповеди смирения даже Кирилл онемел.

А батюшка, как ни в чём ни бывало, приподняв полы рясы, двинулся к дверям.

– Пойду, паству укреплять.

Но дошёл только до распахнутых дверей.

Со вторым хлопком, – от которого, показалось, даже скакнули бревна в срубе, – двери вдруг захлопнулись. Одной стороной.

Одна створка.

В просвете второй, уже затянутой мутным облаком дыма, отец Афанасий медленно оседал на колени, словно спеша прочесть последнюю молитву. Напутственную.

Арина зашлась истошным криком. Вадим упал на колени, успев подхватить хотя бы седую голову священника, чтобы не ударила в земляной пол.

– Я вам обещал вознесение, – Кирилл, мельком глянув на убитого немецкой бомбой отца Афанасия, перевёл взгляд на аэроплан. – Ну, этой нашей хреновины. Как убиенный священник говорил – временного венца прогресса. Возможно, вы увидите вознесение из мёртвых прямо сейчас...

Просвет дневной позолоты в дверях амбара затянуло вздыбленной пылью...

ГЛАВА 7

Кабинетные разговоры.

Петроград. Кабинет статского советника А. И. Иванова

– Не всё так гладко, – пожаловался капитан Садовский, который прибыл на совещание прямо с вокзала, с букетом «железнодорожных» запахов. – Скажу больше: складывается впечатление какого-то дурного повтора ходов безо всякого реального результата.

– Это вас промашка с перекрытием туркам их главного канала поставок угля так расстроила? – поинтересовался Алексей Иванович.

– Да уж, знаете, причин для радости никаких. Задумали вроде всё неплохо – повторить ситуацию с нашими затопленными кораблями в Севастополе, в Крымскую войну, только с точностью до наоборот: запереть их Зунгулдак, чтоб не войти и не выйти. Пока басурмане фарватер расчистят или новую гавань оборудуют – на всех их крейсерах топки погаснут.

Статский советник как будто согласился, но, кажется, думая не только об этой операции.

– Нетрадиционные решения бывают эффективными. Если их доводят до логического завершения.

– Вот и я о том же! – обрадовался Глеб Михайлович. – А так – сколько сил потратили, подбирая эти несчастные посудины и набивая их каменным балластом, сколько угля да

нефти сожгли, выходя чуть всею эскадрой к Угольному району – и всё без толку! Фарватер и гавань Зунгулдака в темноте да тумане не нашли, половину эскадры растеряли, еле еле собрались у Севастополя, за «Бреслау» погнались – да только машину на «Меркурии» чуть не запоролы...

Морская хроника

Операция по закупорке Зунгулдака.

К Черноморскому флоту в составе линейных кораблей «Евстафий» (флаг), «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Три святителя» и «Ростислав», крейсеров «Память Меркурия», «Кагул» и 14 миноносцев, сопровождавшему заградители («Константин», «Ксения», «Георгий» и «Алексей»), около 9 час. 23 декабря присоединились в море крейсер «Алмаз», шестой дивизион миноносцев, 4 старых парохода («Олег», «Исток», «Атос», «Эрна»), груженных каменным балластом и предназначенных для затопления при входе и внутри гавани Зунгулдака.

Выделенный для выполнения закупорки Зунгулдака отряд в составе линейного корабля «Ростислав», крейсера «Алмаз», 3, 4, 5, 6-го дивизионов миноносцев и 4 пароходов в 14 час. 30 мин. отделился от флота и лег курсом на Зунгулдак. Головным шел «Ростислав», затем – пароходы, «Алмаз» и миноносцы. Около 1 часа ночи шестой дивизион миноносцев отделился от отряда и направился к Зунгулдаку для разведки.

Ночью из-за весьма свежей погоды корабли и суда отряда растеряли друг друга и были обстреляны крейсером «Бреслау».

На рассвете 24 декабря «Бреслау» обстрелял отбившийся ночью от отряда пароход «Атос», который был затоплен своей командой, взятой со шлюпок в плен немецким крейсером.

Пока утром отдельные корабли и суда отряда собирались к «Ростиславу», прибыл шестой дивизион миноносцев, не нашедший из-за темноты и мглы Зунгулдака. Шестой дивизион был снова направлен для выполнения своей задачи, а вслед за ним пошли и все остальные части отряда.

Около 9 час. 30 мин. отряд подошел к Зунгулдаку, но, вследствие неожиданного обнаружения на берегу четырех батарей и опасения встречи с «Гебенем», пароходы были затоплены в море, и операция сорвана.

– Что ж за моряки такие, – спросил Буровский, – что целым дивизионом порт не нашли? Он же по морю не мотается, на месте стоит!

– Дня бы подождали, – подал голос и Венцель, который тоже не располагал информацией о реальном ходе флотской операции.

– Да подождали! – воскликнул, побагровев, капитан 1-го ранга. – А на берегу – это, кстати, и ваш тоже, господин ротмистр, недосмотр, – аж четыре новых батареи шестидюймовок турки поставили! Вот и попробуй теперь, подведи к фарватеру и входу в гавань пароходики с балластом! Это же

не эсминцы вёрткие да быстрые, и брони там вообще никакой, а дистанции такие, что даже турки не промажут. Как по мишеням палить будут! И если их не первым, так вторым залпом точно накроют. И толку никакого – и сколько душ ни за понюх табаку загубить! Кто ж на такое решится?

– А следующей ночи что не подождали? – спросил ротмистр. – Понимаю, в море не спрячешься – так отошли бы подальше от берега и выбрали момент...

Капитан 1-го ранга тряхнул седой гривой:

– Так прошла радиограмма о выходе «Гебена» из Босфора...

Морская хроника – взгляд с германо-турецкой стороны

«Бреслау» вышел из Босфора 23 декабря в 16 ч. 24 декабря в 3 ч. он заметил судно, шедшее без огней. Осветив его прожектором, «Бреслау» опознал в нем русский пароход и обстрелял его с дистанции в 1200 м (7 каб.). Пароход получил ряд попаданий и начал погружаться. Но тут «Бреслау» заметил, что пароход сопровождается каким-то военным двухтрубным кораблем, по-видимому, линейным кораблем «Ростислав», и несколькими эскадренными миноносцами. «Бреслау» немедленно отвернул полным ходом на ОСТ, предварительно выпустив еще несколько залпов.

Желая с рассветом войти в соприкосновение с главными силами неприятеля, которые, как он предполагал, находились поблизости, «Бреслау» вскоре перешел на N-й курс.

24 декабря в 6 ч. 50 мин., при первых проблесках рассвета он увидел пароход, шедший курсом ОСТ и в ответ на запрос поднявший русский коммерческий флаг. Вскоре в носовой части парохода последовал взрыв, а личный состав его перешел на шлюпки. После нескольких попаданий с «Бреслау» пароход затонул. Экипаж (2 офицера и 31 матрос), находившийся в шлюпках и в воде, был взят в плен. В спасании команды принимал участие катер крейсера; за одним из утопавших бросились в воду германский унтер-офицер и матрос. Пароход оказался бывшим германским пароходом левантинской линии – «Атос», захваченным русскими. Он вышел 22 декабря из Севастополя с грузом камня и предназначался для заграждения какой-то гавани, вероятно, Зунгулдака.

Благодаря потоплению обоих пароходов задуманная русскими операция не удалась.

Алексей Иванович поспешно напомнил:

– Действует приказ, запрещающий разделение основных сил флота ввиду встречи с «Гебеном». Эбергард обоснованно опасается, что линейный крейсер потопит любой одинокий встреченный корабль, да ещё и уйдёт безнаказанным.

– А от соединения линкоров всегда уходил. Хотя и с порванными боками... иногда, – добавил Садовский.

– Ну да, ну да, наслышаны, – подал голос Иван Венцель. – На пять наших линкоров «Гебен» нарвался; головной пер-

вым залпом его накрыл, со второго же по четвертый линкор в белый свет как в копеечку палили – ошиблись в дистанции «чуть-чуть», 60 вместо 40 поставили (явную издёвку штабс-капитана не заметил бы разве что глухой), а замыкающий линкор вообще не стрелял, цель не видел.

Вот теперь седовласый капитан 1-го ранга разобиделся всерьёз. Даже голос изменился – чуть ли не скандальные нотки пробились сквозь привычную хрипоту старого морского волка.

– Это здесь, в тёплом кабинете, легко рассуждать! А там шторм, туман, да угольный дым из полсотни труб – и вдруг, откуда ни возьмись, вылетает из полосы тумана двухсотметровый вражина и всем своим главным калибром в тебя целит. И то – «Евстафий» успел и повернуть как надо, и первым огонь открыть. Да ещё и попал чуть не первым же снарядом. И со второго залпа было накрытие... Если бы по прицелу «Евстафия» все остальные линкоры ударили – где б сейчас тот «Гебен» оказался? И всего-то боя, пока этот гад не сбежал – меньше пятнадцати минут.

Статский советник примирительно сказал, наклоняясь к Садовскому:

– Вы, Глеб Михайлович, не обижайтесь. Военно-морская специфика – она на то и специфика. Мне, например, как немножко инженеру, только и понятно, что неплохо бы иметь такое устройство, чтобы помогало управлять огнём всей эскадры...

Садовский тоже сбавил тон и посетовал:

– Такие устройства скоро не придумают. Так, лишь бы как, на глазок, уже такие есть, видел я у французов, а слышал – и у англичан, и у немцев тоже подобное завелось. Но пока что, скажу я вам, хороший... да и средний, пожалуй, артиллерийский офицер управляется с ведением огня одним кораблём получше таких машин. Сложно это всё, так сразу и не перечислишь; а будь просто – не ставили бы по десять – двенадцать стволов главного калибра на каждый боевой корабль, хватило бы и парочки.

– Опять Европу впереди нас ставите, – обиженно сказал штабс-капитан Венцель. – Будто светлых голов в России мало.

– Это не совсем наше с вами дело, господа, – прервал его статский советник. – У нас, в общем-то, и полномочий нет заглядывать в архивы Морского технического комитета... Хотя что-то подсказывает мне, что и в этом вопросе мы не плетёмся в хвосте европейцев. И, кажется, что Иван Артурович и Глеб Михайлович найдут возможность глянуть одним глазком, нет ли там пары жемчужинок в ворохе отложенных или отвергнутых проектов по этой части.

– Возможность мы непременно найдём, – сразу же отозвался капитан 1-го ранга. – Там у меня двое сослуживцев не последнюю скрипку играют. Да вот только что мы? Там серьёзные спецы, по два десятка лет оценку проводят...

– На то и уповаем, что свежий взгляд поможет нечто раз-

глядеть, – усмехнулся Алексей Иванович.

ГЛАВА 8. ГАРДЕМАРИН НА ФРОНТЕ

Господин подполковник ещё раз перечитал сообщение, пришедшее из штаба дивизии с пометкой «Срочно. Секретно. Только для п/п Рагимова», да ещё и с припиской «В собственные руки».

Впрочем, в сообщении не было ничего особенного, что бы вызывало такую вот секретную срочность. В нём было всего-то распоряжение «...отправить немедленно в расположение Классов морских гардемарин, в Петроград, гардемарина Иванова Василия, находящегося в подчинённом вам полку».

Правда, последний абзац в сообщении был несколько неожиданным: «Отправку проконтролировать, во избежание уклонения, и доложить».

Подполковник перевернул листок в надежде, что на обороте окажутся какие-то жизненно важные сведения. О поставке трехдюймовых снарядов, например, или о пополнении. Или хотя бы о парочке новых полевых телефонных аппаратов, – вместо разбитых, или просечённых осколками во время горячей перестрелки, произошедшей третьего дня.

Но, увы, ничего там не оказалось.

– Солонин, – позвал подполковник адъютанта. – Ну-ка,

разберись, где у нас гардемарин числится. Бог весть что: морской курсант в пехотной части!

Но оказалось, что гардемарин Иванов, как всего-то за час выяснил исполнительный Солонин, не числится нигде. Но во втором гаубичном дивизионе, оказывается, обретается некий мальчишка по прозвищу Васька-морячок.

– Давно? – только и спросил Рагимов, не поднимая голову от карты-трехвёрстки, куда они с начштаба быстро наносили последние данные разведки и радиоперехвата, поступившего из какого-то подразделения.

– Не могу знать, – ответствовал штабной подпоручик и даже вытянулся в струнку.

Очень не любил молоденький офицер, всего-то с трехмесячным стажем службы (зато прошедшем в непрерывных, почти, арьергардных боях) показывать свою некомпетентность. Не так уж часто это и случалось, кстати.

– Так, – бросил, морщась, подполковник Рагимов. – Тащи его сюда. Вместе с Петренкой – он же теперь за старшего во втором дивизионе.

Вот уже два дня германец, которому дали-таки по зубам третьего дня, хоть и существенно опустошили боезапас, по-утих или, если по-военному, не предпринимал активных боевых действий. Да почти что никаких не предпринимал, даже отошёл где на триста, а где и на все семьсот метров, вроде как спрямляя линию своих позиций.

Не фронта: фронта как такового не было. И местность не позволяла – то болота, то вдруг островок могучего и очень густого леса, такого густого, что только в пешем строю пройти можно, а то каменистые откосы, где глубже, чем на ладонь, и киркой не вгрызёшься. Так что были участки соприкосновения, была ничейная земля и просто непроходимые или крайне неудобопроходимые зоны, которые патрулировали, конечно, по краям. С обеих сторон.

Это к тому, что комполка мог себе позволить вызвать с боевой позиции исполняющего обязанности командира второго гаубичного дивизиона, прапорщика Петренко.

Явились они пред светлые... пардон, тёмные и слегка раскосые очи подполковника больше чем через час. Рагимов за это время и перекусить успел чем полевая кухня порадовала, и поругался до хрипоты со штабс-капитаном из службы тыла, который никак не пришлёт обещанное пополнение, а вместо этого присылает двух жандармов и троих выздоравливающих из комендантского взвода – уводить в тыл пленных. Всего-то двоих и притом раненых, еле ожили гансики на поле после штыкового боя, – так что столько сопровождающих и конвойных вовсе ни к чему.

Прапорщика Петренко господин подполковник едва узнал, хотя прапорщик был из старожилов полка. Да что там старожилом – с недалёкого, но кажущегося нереальным мирного лета тринадцатого, никак не позже, года, когда сам Ра-

гимов, тогда – штабс-капитан, недавно назначенный в Смоленский полк, – отметил на манёврах здорового унтера, который лихо управлялся и с выездом на позицию, и с подготовкой гаубицы к открытию огня.

Сейчас у Петренки прибавился только «Георгий» на груди, звёздочка на полевом погоне, впрочем, почти что не видном из-под куцей шинели, да седина в вислых усах. А так истоньшал чуть ли не вдвое, вроде даже росточком стал поменьше.

Гардемарина тоже узнал господин подполковник не сразу, потому, наверное, что не чаял узнать вообще. Но как вспомнил, что стоял рядом, когда сам генерал, пару месяцев назад, прицепил солдатского «Георгия» на перепачканный своей ли, чужой ли кровью бушлат – и даже сам себе удивился: как это, мол, я мог забыть?

И не задумался тогда, почему так одет молодой воин, который – сам видел в бинокль Рагимов, – так отличился в бою.

Парень палил и палил из выдвинутой на прямую наводку сорокопятки, оставшись один и за командира, и наводчика, и заряжающего. Палил и сбивал, и сбивал осколочными поднимающихся в атаку германцев, а когда подоспели свои, из резерва – побежал с ними, подхватил чью-то «мосинку» – и уцелел в страшном кипении штыкового боя.

И фамилию конечно же забыл подполковник – мало ли их, Ивановых, почитай каждый пятый в полку откликнется. Правда, глаза парнишки запомнил: вроде и обычные серые,

а с какой-то искоркой особенной.

Но, не подав виду, что узнал, подполковник резко спросил прапорщика, отмахнув ладонью уставное «по вашему приказанию прибыл»:

– Ты мне, Петренко, скажи: это у тебя экипаж теперь... или полуэкипаж, как оно там у вас, у чертей солёных, называется?

– Никак нет, ваш благородие, – у прапорщика даже усы от изумления встопорщились. – Как Бог свят, артиллерийский дивизиён, вот только двух орудий по штату недостаёт.

– А это у тебя как числится? – указующий перст подполковника почти уткнулся в чёрный бушлат, не по-окопному вычищенный, с надраенными пуговицами и украшенный Георгиевским крестом.

– Разрешите доложить?.. – попытался встрять Василий.

– Ма-алчать, гардемарин Иванов! – резанул подполковник. – Старший по званию докладывает.

– Да как же докладывать? – с совсем неуставной простотой спросил старый служака. – Никак не числится, а воюет справно.

– Никак? – вполне искренне удивился Рагимов. – А паёк? А довольствие? А наградной?

Морщинистый лоб прапорщика покрылся испариной.

– Так, ваше благородие, почитай что с сентября у нас в дивизиёне некомплект. Командира, и то не уберегли... Кусок хлеба да полкотелка каши не найдём, что ли? А за про на-

градной, не скажу, только вы же с их высокоблагородием господином генералом из собственных рук Ваську-то награждали.

Рагимов попытался вспомнить, было ли в заверенных им списках Ивановых, награждаемых кто по жизни, а кто и по-смертно, звание гардемарин – и не вспомнил.

– Докладывайте, гардемарин. С какого времени в дивизионе, как попали на фронт?

– С 14 ноября. В 16.20 задержан часовым по подозрению в шпионаже и со старшим караульным доставлен к командиру дивизиона.

Рагимов перевел взгляд на Петренко.

– Почему подпоручик Литваков не доложил по команде?

– Не могу знать, – честно признался прапорщик. – Не говорили их благородие.

– А как полагаешь? – не по-уставному, да и не с командирской интонацией спросил у прапорщика Рагимов.

Петренко, чутко уловив перемену и почувствовав, что неожиданная гроза отодвигается, ответил тоже не совсем по-уставному:

– Полагаю, побоялся господин подпоручик, что отнимут в другую какую часть... Парнишка-то сметливый оказался. А что в бою не теряется – так мы сами в тот же вечер и зауважили, когда германец стал к позициям пристреливаться.

Рагимов вдруг обратил внимание, что гардемарин, стоя по-прежнему как положено по стойке «смирно», слегка ше-

велит губами, как будто проговаривает про себя какой-то текст. Не в порядке командирского замечания, а скорее из любопытства подполковник спросил:

– Вы что, молитесь, гардемарин Иванов?

– Никак нет, ваше благородие, – быстро ответил Василий. – Там ваши радисты немецкую морзянку перехватили. Важно...

Из соседней комнаты реквизированного для нужд армии купеческого особняка, в котором размещался штаб полка, действительно доносился захлёбывающийся визг морзянки.

– Что – важно? – спросил Рагимов; и только мгновением позже добавил: – Так вы что, немецкий «морзе» знаете?

– Передислокация штурмгруппен... то есть штурмовой группы, выдвижение эскадрона улан... захват эшелона номер... Простите, станцию не разобрал... А, нет, не называют, «станцион пункт зет» и всё.

– Что, прямо так открытым текстом и передают? – поднял брови подполковник.

– Никак нет, – ответил Василий, как только смолкла морзянка. – Да только шифр у них простенький, нам ещё на курсах о нём говорили. Не думал, что до сих пор не поменяют, а вот... Наверное, чтобы в низовых службах понимали.

Прапорщик Петренко не удержался и, скороговоркой пробормотав положенное по уставу обращение, сообщил со своим неистребимым южнорусским акцентом:

– То ж видите, какой сметливый. А он ещё и карту чита-

ет... И нашу, и немецкую.

Рагимов какое-то время переваривал услышанное и уже где-то на доньшке сознания заворочалась мысль: если не совсем, то хоть временно оставить мальчика.

Не в дивизионе, конечно, а при штабе... Да зачислить в штат, присвоив, как положено Георгиевскому кавалеру, чин прапорщика...

Но тут, как на грех, явился Солонин и доложил, что пленных передали, и жандармы готовы отбыть – торопятся к поезду.

«Не судьба», – решил подполковник. И вслух приказал:
– Зови старшего жандарма ко мне.

Потом повернулся к гардемарину.

– Вот что, Василий Иванов. У меня предписание: немедленно отправить тебя в Петербург для завершения классов и получения назначения по службе.

– Господин подполковник!.. – хором возопили Петренко и Василий, но с разной интонацией.

Петренко – с болезненным разочарованием, а Василий – чуть ли не с отчаянием.

– Ма-алчать! – одёрнул их Рагимов, испытывая некоторое облегчение – как всегда после твёрдо принятого решения.

И добавил:

– Поедете до станции с командой жандармерии – они как раз этапируют военнопленных. Приказ ясен?

– Так точно... – проговорил Василий убитым голосом. И

тут же добавил, быстро обменявшись с прапорщиком взглядами: – Мне надо собрать личные вещи. Пусть едут, я догоню.

– Мы проследим, ваше благородие, – поддержал и Петренко. – А ещё хлопцу надо с однополчанами попрощаться...

– А завтра «штурмгруппен» отбивать понадобится, – даже чуть улыбнулся подполковник. – Как же без такого корректировщика? А послезавтра ещё какую заразу Вильгельм пришлёт... Кругом марш! Исполнять приказ! Да, и немедленно переодеться: в пехотной части воевал, так чтоб выглядел по форме!

Василий тоже повернулся, даже прищёлкнув каблуками неуставных ботинок с подковками, и рванул на шаг впереди прапорщика к дверям.

Рагимов, подавляя невольный смешок, приказал:

– Отставить, гардемарин. Сейчас выправим предписание, поедете с жандармами. Не напрашивайтесь, чтоб везли, как арестованного. А пока – попытайтесь вспомнить, куда эта «штурмгруппен» передислоцируется... И подскажите нашим олухам царя небесного, – он кивнул на дверь, за которой работали радисты, – как сей шифр неменяный немецкий читать.

ГЛАВА 9. ПТИЦА ЧЁРНАЯ, ПТИЦА БЕЛАЯ...

Барон Шварцадлер, победитель Ганзейских гонок-перелётов, почти вываливаясь из ячейки аэроплана, вздохнул не без сожаления, даже огорчённую гримасу соорил...

Но не потому, что только что отпустил за борт трёхфунтовую бомбу в отчётливо видимое красное перекрестье на холщовом полотнище. Не то смутило барона, что бомба беззвучно отправилась на крышу госпиталя, что было вопреки всем мирным договорам и конференциям, и по идее должно было претить всем чувствованиям благородной крови, отнюдь, – а то, что уж больно хороша была сама крыша. Судя по всему – новая, голубовато отливая свежим цинком, она так основательно поднимала в цене старинную остзейскую усадьбу. Вот тебе готовый семейный форштадт, только вноси новую мебель и старинные семейные портреты, но эта проклятая война! Собственной рукой ты должен рушить собственное же счастливое будущее.

«Доннерветтер!»

Он по романтическому складу, свойственному, как помнится, всем Шварцадлерам, чуть было не предался ностальгии, – могучие икры жницы под тканым подолом в золотой прусской ржи, янтарный отлив пива на грубом выскоблен-

ном столе, стрекот молотилки на подворье их юнкерского хозяйства, но...

«Стрекот?»

Механический звук мог, да и должен быть здесь только один. Свой! И то – насколько можно было назвать стрекотом весёлую молотьбу даймлеровского мотора, прорывающуюся даже сквозь плотные кожаные клапаны шлема.

Мотор, для пушего охлаждения, торчал практически снаружи фюзеляжа, сразу же за блестящим кругом пропеллера и непосредственно перед кабиной пилота.

И тем не менее барону неотвязчиво стало казаться...

Натянутая на шестах парусина с огромным красным крестом, – знак, должный уберечь госпиталь от всяческих посягательств, вплоть, наверное, до кары небесной – был моментально снесён ударной волной и, с громким шелестом хлестнув по воротам сарая, едва не разрушил плод многодневных трудов лейтенанта Императорского воздушного флота. Его «голубь» только что выкатили на треноге шасси из тёмной утробы амбара.

– Г... где?! – перекрикивая панический гвалт и лошадиное ржание госпитального обоза, пытался не то спросить, не то отговорить Вадим, таща аэроплан с другой стороны за амортизационные стойки.

И то: «Смешались в кучу кони, люди...» – всё госпитальное хозяйство, что располагалось во дворе, визжало, бежа-

ло, дымило и парило варёным бельём и опрокинутым самоваром. Да и посреди самого двора зияли две основательные воронки – как раз напротив амбара. Ни о какой взлётной полосе говорить не приходилось.

– Сворачивай на дорожку! – выглянув из-под фюзеляжа, ткнул пилоткой в сторону сада брат.

– Тэ... тесно! – замотал головой Вадим.

И то, правда, дебелая Ева и, напротив, тщедушный Адам на постаментах служили вратами в садовый рай, весьма суживая сей путь.

– Проскочим на хвосте, – уже деловито рычал Кирилл, натягивая на уши суконные клапаны пилотки. – От винта!

Вадим рванул на себя деревянную лопасть.

Но такого рода усилия вызывали только спазматические гримасы у ослабевшего после контузии брата, да короткий громкий треск, во время подобных экспериментов в амбаре парой часов раньше, до смерти пугавший всю гужевую часть госпиталя.

– Да я тебе говорю! – крикнул уже откуда-то сверху Кирилл. – На хрен от винта!

Пара сообразительных санитаров, и ранее наблюдавших эксперименты братьев, вынырнули у задранного рыла аэроплана, как из земли. Один оттащил в сторонку Вадима, другой крутанул лопасть пропеллера.

Немецкий «голубь» испуганно задрожал непрочными крыльями.

– Хвост держи! Вдвоём!

Лейтенант Императорского военно-воздушного флота рассчитал почти правильно. Так, с задраным носом-мотором и практически на хвосте, аэроплан и доскакал на колесах к началу достаточно длинной песчаной дорожки. Вот только когда поникшая голова Евы с пылью слетела с покатых плеч, в резном птичьем крыле «Taube Rumpler» что-то болезненно хрустнуло...

«Не в ухе же звенит!» – раздражённо подумал барон Шварцадлер, отстёгивая ремешок шлема.

Потянул коричневый клапан с наушником, отвернув голову, сколько мог, влево, и после секундного сомнения, впрочем, нисколько не отразившегося в авиаторских пучеглазых очках, удовлетворённо улыбнулся. Теперь и без того неприметного сомнения не оставалось – это был звук его родного «Mercedes I.D.»

Ещё секундой – и невозмутимая физиономия барона вытянулась:

«А почему слева?!»

Наследник одноимённого прусского юнкерства подскочил так, будто в фамильном замке, будь у него таковое, завелось бы неучтённое привидение. И в этот раз, нет, не обернулся, а прямо-таки извернулся. И глаза его едва не разрослись до размеров толстой резиновой оправы очков.

В точности такой же «Голубь», покачивая птичьи-изло-

манными крыльями, висел по левое плечо барона. Вот только не было на его перистых крыльях разлапистых чёрных крестов, а вместо них – какая-то геральдическая чушь, едва ли не цехового вида: скорняцкий нож, подковы...

Барон Шварцадлер лихорадочно полез под сиденье в поисках кобуры, отвисшей на ремнях портупей. Причем полез с двух сторон сразу. Забыл, что в аэроплане её следует искать не как на суше, а только слева.

А как не забыть, когда всё время, пока барон выполнял приказ дивизионного командира («Беспокойте железнодорожный узел, Фридрих. Но попрошу вас делать это... э... самым безынициативным и формальным образом. Я бы даже сказал – лениво. Так, чтобы им и в голову не пришло, что мы сколько-нибудь в нём заинтересованы. А вот в момент “икс” мы с вами придумаем, что-нибудь такое... что-нибудь такое, что отвлекло бы всех от железнодорожной станции. Может, даже, что-нибудь... э... циничное»), всё это время барону и в голову не могло прийти, что здесь он может встретить в небе пернатого чужака.

«Да что оно, черт возьми, такое?!» – возмутился Фридрих, нащупав наконец крышку кобуры.

«Оно» явно носило следы запустения: крылья порыжелые, даже горделивый герб выцвел и облез, краска на фюзеляже облуплена. Мотор на капоте...

«Mein Got!»

Мотор, кажется, был примотан для пущей устойчивости

медной проволокой? А в ячейке пилота?

Не успел разглядеть. Выплюнув клок сизого дыма и не затрещав уже, а взревев мотором, неопознанный аэроплан с трудом, но упрямо пошёл вверх.

– Давай, неродной. Давай! – с натужной гримасой, так, что даже шрам над бровью налился кровью, Кирилл упрасивал чужую, не объезженную им машину подняться над противником.

Согласно «Наставлению о тактике воздушного боя».

Стрельнув бензином – запасы бывшего владельца, – так, что лоскут пламени вылетел в раструб выхлопной трубы, графский аэроплан возвысился-таки над баронским.

С мстительным выражением лица лейтенант Иванов (второй) повёл штурвалом вправо.

– А-а, тля... – «британские» усики его зло встопорщились.

Корпус зашедшего под днище врага исчез из его поля зрения, – только подобия птичьих рулевых перьев выглядывали с одной стороны.

Теперь, пока немец не опомнился...

В прямом цитировании этот параграф «Наставления по тактике воздушного боя» звучал довольно витиевато: «Искусным маневром, заняв преимущественную позицию...»

В устном же изложении капитана Маркова из Петербургской Воздухоплавательной школы – куда доступнее, проще: «Долби его сверху колесами, пока басурман не затрещит, и

отскакивай!»

Лейтенант двинул штурвал от себя, тут же обратно – к себе, ещё раз, – пока машину наконец не встряхнуло, как лодчонку, наскочившую на отмель.

Кирилл тотчас потянул штурвал на себя.

Треска лонжеронов на перепонках вражеских крыльях, – как говаривал капитан Марков – он конечно же услышать не мог. Куда там, – не в шлеме, а в одной суконной пилотке, он, кроме шума ветра в ушах, только что и мог расслышать, так квохтанье мотора перед кабиной. Тем не менее лицо его под красным кантом чёрной пилотки приняло самое озабоченное выражение, – его «Таубе», казалось, потяжелел в два раза.

Кирилл потянул штурвал на себя снова, потянул так, что жилы вздулись на шее. Но графский «Голубь» и не подумал взмывать, будто приколоченный к собрату-врагу гвоздями.

Одновременно баронский «Таубе» пришибленно просел, клюнув уродливым носом и задрав хвостовую лопасть. К счастью, чуть в сторону, чтобы она не ударила в точно такую же хвостовую лопасть насевшего сверху противника.

Сам же барон Шварцадлер безжизненно упёрся лбом в панель приборов...

Не то чтобы разница между русским «Наставлением по тактике воздушного боя» и аналогичной немецкой «Инструкцией» была такая уж существенная, чтобы эдакий ма-

нёр неожиданного противника показался обер-лейтнанту барону Фридриху Шварцадлеру также неожиданным. Но как-то быстро и нелепо всё получилось. Незвестный собрат его аэроплана как-то сразу же пропал из виду, едва он обнаружил его позади себя, – должно быть, отстал, сообразив, кто перед ним. И пока Фридрих до хруста в шейных позвонках выворачивал голову в попытке рассмотреть внезапного попутчика: «Бог весть, чья бы ни была это машина, но, уж, наверное, не русских. Сколько ни летал тут в окрестностях, а и намёка не было не то, что на аэродром противника – разведчик с трёхцветными кругами на крыльях ни разу не залетал...»

Тем не менее, ломал себе голову Фридрих, одновременно до вывиха в плече, выкручивая назад руку с пистолетом, как говорит старая прусская пословица: «Ну, его в репу с вашими сюрпризами...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.